

Миниатюрист

Автор:

Джесси Бёртон

Миниатюрист

Джесси Бёртон

Автор переносит нас в Амстердам XVII века, в дом очень состоятельного купца Йохана Брандта. Сюда приезжает Нелла Оортман, которую сосватали за Брандта. Она почти незнакома с будущим мужем, но готова стать ему хорошей женой.

Она чувствует, что Йохан – не такой, как все. Он умный, образованный, независимый, и это ее притягивает.

Нелла молода, полна надежд и очень плохо знает жизнь. Но судьба позаботится о том, чтобы она недолго пребывала в счастливом неведении. Ей предстоит узнать, как жестоки люди к тем, кто от них отличается, и осознать, что нет ничего страшнее, чем знание того, что будет.

Джесси Бёртон

Миниатюрист

Аббревиатура ОИК означает «Ост-Индская компания», основанная в 1602 году. Ее торговые суда бороздили океан между Африкой, Европой, Азией и Индонезийским архипелагом.

В 1669 году ОИК насчитывала 50 000 служащих, 60 акционеров и 17 регентов. К 1671 году акции ОИК на Амстердамской бирже ценных бумаг достигали 570 % номинальной стоимости.

Благодаря процветающему земледелию и финансовой мощи республики стала расхожей фраза, что голландские бедняки едят гораздо лучше британских, итальянских, французских и испанских. А уж богачи лучше их всех, вместе взятых.

Расхищайте серебро, расхищайте золото!

Нет конца запасам всякой драгоценной утвари.

Книга пророка Наума, 2:9

И когда выходил Он из храма, говорит Ему один из учеников Его:

«Учитель! Посмотри, какие камни и какие здания!»

Иисус сказал ему в ответ: «Видишь сии великие здания? Все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне».

Марк, 13:1-2

Jessie Burton

THE MINIATURIST

Copyright © 2013 by Jessie Burton

© Таск С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Вторник, 4 марта 1687

Погребальная церемония обещает быть очень скромной, так как у умершей не было друзей. Но это Амстердам, где слова водой проникают в уши, оседают илом, и в южном приделе Старой церкви не протолкнуться. И мертвые тут как тут: вот каменные плиты под ногами скорбящих, а под плитами штабеля тел, костей, праха. В этой гробовой тьме плоть распадается, и от конечностей чудесным образом остаются только большие и малые берцовые кости. Там же лежат женские челюсти, тазовый пояс купца, полые ребра знатного сановника. Есть и детские тельца, иные не больше буханки хлеба. Скорбящие отводят взгляды от этого сгустка человеческого горя, от этих воробышков. Завидев крошечное надгробие, спешат его обойти.

Берт, уличный шпаненок, пришедший потолкаться среди толстосумов, а то и подобрать монетку, оброненную в печали, уединился в нишу для молитвы. О ужас, он не одинок. В Амстердаме любой наблюдатель, даже незрячий, находится под наблюдением. Его охватывает короткая паника – кто еще тут прячется: дружинник, вездесущая рука власти? Пальцы шарят по деревянным сиденьям, рот разинут от страха. Вдруг кто-то похлопывает его по плечу, будто заговорщик. Пожалуй, женская ладонь: изящная, прохладная на ощупь. Он дрожит, но не сбегает.

Церковный купол уходит ввысь. Великолепный расписной потолок – единственное, что реформаторы не смогли уничтожить, – задран над их головами, точно нос гигантского корабля. На старинном дереве запечатлен Христос с мечом и лилией, Дева Мария на лунном серпе, ангел-хранитель золотых дел мастеров, разрезающее волны судно. Потолок – зеркальное отражение города, его профессиональных занятий. Внизу же, на гранитных плитах, когда-то были высечены для потомков геральдические вензеля, но в результате победила водная гладь: исшарканные за долгие века могильные плиты лоснятся, скрывая под собой перемешанные останки, навсегда погребенные на дне морском.

Берт слышит, как женщина откидывает разделяющее их сиденье с «престолом милосердия», вырезанным из дерева столетия назад. Пальцы подростка ощупывают фигурку: мужчина, какающий монетами, с лицом, искаженным гримасой боли.

– Что-то случилось? – шепотом спрашивает она, но Берт в ответ смущенно молчит. Необычное поведение женщины, ее акцент, резная фигурка под

сиденьем – все это заставило его напрячься. Деньги и стыд – от такой городской диеты порой случается несварение желудка.

Скорбящие сбились в круг – тут и члены разных гильдий с женами, и клерки ОИК, и капитаны торговых судов, и пекари, и кондитеры, и мужчина в широкополой шляпе. Появляются люди, несущие на плечах гроб с такой легкостью, словно это футляр от лютни, они явно поднаторели, обслуживая покойников. По выражениям их лиц можно догадаться, что кое-кто от этих похорон не в восторге. Скорей бы конец. Обычно эта церемония, как и траурная процессия, четко регламентирована: всем распоряжается бургомистр, а обычный люд выполняет команды, нынче же никто не позаботился о порядке. Попахивает анархией, и если правда то, о чем поговаривают, такой покойницы еще не видели стены Старой церкви, как, впрочем, и Новой церкви, и Западной, и Восточной. Все решили деньги, а значит, эта неординарная смерть должна быть обставлена подобающим образом.

Удивительно, что подобные похороны совершаются здесь, в самом сердце города. Амстердаму брошен небывалый вызов. Сама по себе рискованная процедура выглядит уверенно, продуманно и благопристойно. Щедрому пожертвованию – тупое повиновение, и все же что-то такое тихо закипает под внешним декором.

Круг размыкается, пропуская гроб. В центре, рядом с прямоугольной ямой в полу, замерла в ожидании молодая женщина. Вид у нее измученный, она то поднимает голову навстречу приближающимся носильщикам, то снова опускает взгляд в зияющий провал. Ее распирает изнутри, взор блуждает, она закусывает нижнюю губу. Она к этому не готова, нет, не готова сказать прости-прощай.

Две женщины, стоящие в непосредственной близости от ниши для молитвы, перешептываются, прикрыв рты ладонями. Внимание рассеяно, топчутся на месте, никакого уважения к церемонии. Они вытягивают шеи, высматривая молодку, которая подходит к отверстой могиле. На ее лице – потрясение и скорбь, она замерла у самого края и бросает, словно в бездну, букетик цветов. И тут в углу захлопал крыльями заблудший скворец, сполз по белой стене и запрыгал по полу, легкий, как мякинная оболочка, – и многие головы, отвлекшись от действия, повернулись в его сторону. Но молодка, не шевельнувшись, провожает взглядом улетающие цветы с трепещущими лепестками, в то время как священник дочитывает молитву.

Служанка, отделившись от толпы, опускается на колени и осеняет себя крестным знамением, буквально тычет в себя четырем перстами. И, как ни старается сдержаться, начинает громко рыдать. Молодка не делает ничего, чтобы остановить спектакль, и эта распушенность, это фундаментальное неуважение к дисциплине и порядку, во имя которых, собственно, здесь все и собрались, вызывают неодобрительный и не вполне уместный ропот. Две женщины возле ниши обмениваются репликами.

– Если они на публике такое себе позволяют, дома, должно быть, ведут себя совсем как дикие звери, – говорит шепотом одна.

– Ты права, Ариана, – откликается подруга. – Но я бы все отдала, чтобы побыть мухой на стене этого дома. Бзз-бзз.

Они подавляют смешки. Берта знобит. Заскрипел «престол милосердия», женщина вцепилась в сиденье. Он инстинктивно потянулся к ее руке. Нащупав кончики ее пальцев, он не в силах скрыть своего изумления. Откуда у знатной дамы такие мозоли?

Вскоре все заканчивается. Круг распадается, участники траурной церемонии не спеша расходятся по петляющим улочкам – к своим семьям, к домашним заботам. Многие мужчины вернутся за рабочие конторки и прилавки, ибо только тяжкий труд способен удерживать Амстердам на плаву. Именно он добыл им славу, а лень утащит их обратно в море. Молча оставив Берта, женщина спускается в общую залу. Мальчишка слышит, как она подходит к свежей могильной плите со словами:

– Все проходит.

Она вздыхает. Зашуршали юбки, когда она что-то достала из кармана, и снова зашуршали, когда она присела, чтобы положить это на плиту. Потом она встает в полный рост и несколько мгновений не двигается, бормоча себе под нос. Берт слышит, как она целенаправленно устремляется к боковому выходу, эхо разносит ее шаги, а потом все смолкает.

Он еще чего-то ждет, ощущая внезапную утрату. В церкви стало как будто теплее, он задирает нос, принюхивается. Опасностью не пахнет, вокруг разливается покой. Мертвые спят, их души в безмолвии уплывают на чудо-

корабле. Мальчишка выбирается из ниши и делает несколько шагов к могильной плите. Едва дотронувшись до нее, он сразу отдергивает руку. Камень ледяной, не то что другие плиты. Он все-таки проводит пальцами по выгравированным буквам, которые ни о чем ему не говорят. Ложбинки забиты гранитной пылью, сработано наспех.

Он счастливо выдыхает, наткнувшись на оставленный предмет. На его ладони – миниатюрный домик, в котором он ощупью находит девять обставленных комнат, двух женщин, мужчину и ребенка, кровати и корзинки, а также пучок крохотных морковок. От его радостных возгласов встревоженный скворец принимается летать-хлопотать над церковными скамьями в поисках местечка понадежнее.

Мальчишка прячет сокровище в карман. На кой ей, покойнице, игрушечный домик?

Вечером под Новым мостом он рассказывает таким же сорванцам про женщину с мозолистыми пальцами и странным чувством юмора, оставившую игрушечный домик на свежей могильной плите. Его так называемые друзья-приятели, лежащие на берегу канала, по которому проплывают кишки животных, человеческие нечистоты и сломанные спинки стульев, награждают его подзатыльниками.

– Берт, вот дурило, – говорит кто-то. – Ты ж слепой.

Насмешки сыплются со всех сторон, но он уверен, что они это не со зла.

– Я ее ощупал. Она была холодная, как луна.

– Ангел, что ли? – простодушно удивляется один из младших.

– Не рано ли ты, Берт, стал напиваться, – зубоскалит другой. – Тебе только восемь стукнуло.

Они хохочут, а он, закусив губу, лезет в карман за вещдоком. А домика-то и нет. Испарился, растаял. Сердце у него уходит в пятки. Он продолжает настаивать,

чувствуя, как подступают слезы, что не иначе как обронил домик по дороге. Но, похоже, он и сам в это не верит. Ночью мысли о пропаже не дают ему уснуть. «Может, я вовсе не держал его в руках? – спрашивает он себя. – И за руку ее не трогал?»

К утру Берт окончательно определился. Пришел к суровому выводу, позволяющему смириться с утратой: не было никакой женщины с лунной кожей. Незрячие глаза его обманули. То был желанный призрак, примстившийся одинокому сироте.

1

Середина октября, 1686

Не прельщайся лакомыми яствами его: Это – обманчивая пища.

Книга притчей Соломоновых, 23:3

Я буду давать тебе по десяти сиклей серебра на год, потребное одеяние и пропитание.

Книга судей, 17:10

Посторонняя

– Йохан Брандт?

Имя, отраженное от мраморной плитки, улетает, постепенно затихая вдали, пока Нелла Оортман стоит на пороге дома перед просторной мрачной прихожей в ожидании своего новоявленного супруга. Никто ее не встречает, а ведь к ее приезду готовы, что было подтверждено письмом. Хотя запах дорогой почтовой бумаги ее мать проверила собственным носом, а листки отличались особой

плотностью, это не оправдывает подобного приема. Она распишет это матери в подробностях, но сначала хорошо бы добраться до своей комнаты, до письменного стола.

Она стоит в промозглой пустоте, а за ее спиной еще теплое октябрьское солнце, и она обращает к нему лицо: вобрать в себя это тепло, пока можно. Эта часть улицы Херенграхт называется Золотой Подковой, но сегодня широкий канал выглядит буднично. Вознесшиеся над мутновато-бурой полосой дома впечатляют. Царственно прекрасные, гордость города, они восхищаются собственной симметрией, глядя в зеркало вод. Над крышами колдует Природа, стараясь не отставать: шафранно-абрикосовые облака демонстрируют цвета империи. Нелла разглядывает дома через их отражения. Золотая Подкова доступна не каждому – только местным жителям и обслуживающим их рабочим и реставраторам. Большинству же вход сюда заказан. Такие запертые золотые шкатулки с драгоценностями.

Люди на баржах перекидываются шуточками, и их смех, взобравшись по кирпичной кладке, достигает Неллиных ушей. Тщедушный мальчишка врезался в торговку рыбой, и та провожает глазами крупную полудохлую селедку, вылетевшую из корзины и плюхнувшуюся на подол ее широкой юбки. Лишь после этого воздух и Неллины барабанные перепонки разрывает крик крестьянской бабы:

– Идиот! Идиот!

Сцапав проворной пятерней грязную рыбину, слепой мальчишка торжествующе поднимает ее над головой и с хохотом, обнажившим редкие зубы, припускает вдоль канала. В одной худенькой ручке законная добыча, другая скользит по стене, помогая сориентироваться в петляющем пространстве.

Нелла мысленно его подбадривает. Люди на баржах, на миг привлеченные криком, уже отводят взгляды. Торговка снова вскидывает корзину на бедро и пружинистой походкой продолжает путь с таким видом, будто потеря одной рыбки ничего не значит. На самом деле это не так, кто знает, как пойдут дела? По ее поджатым губам видно, что она раздосадована.

Снова оборотившись к прихожей, Нелла ставит свой чемоданчик и клетку с птицей на пороге и пристальнее всматривается в полумрак.

– Йохан? – восклицает она в легкой панике уже громче. Это такая игра? Староват он для таких игр. И вновь ее вопрос улетает по черно-белым мраморным плитам в пустоту. «Господи Иисусе, – думает она. – Сколько еще мне тут стоять?» Ее длиннохвостый попугай по кличке Пибо с тихим покрикиванием нервно трется перышками о прутья клетки. Снова тишина, он закрывает клюв, прислушивается. Никто не выходит. Даже притихший канал, кажется, задержал дыхание.

Наверняка за ней следят, она кожей чувствует направленные на нее взгляды. Она всматривается в темные углы, не решаясь прикрыть за собой дверь, к тому же так приятно ощущать затылком убывающее тепло солнца, слышать гомон внешней жизни по контрасту с сумеречным безмолвием внутри. Она вздыхает. Черт-те что. Ну же, Нелла Элизабет. Входи. Она делает шаг и тотчас убирает ногу назад. Не доверяет она этим плиткам, один неверный шаг может обернуться бедой до конца дней. Ее любимая игра: придумывать ничем не обоснованные несусветные страшилки. Пока она ждет хоть какого-то движения в глубине холла, в голове роятся мысли о муже. Заключит ли он ее в объятья, поцелует ли или просто пожмет руку, как очередному дельцу? Нелла Оортман. Петронелла. Новоявленная супруга Йохана Брандта. Купца, одного из акционеров Ост-Индской компании, богатого человека.

Она всерьез раздосадована таким приемом. Наклонившись, она снимает туфельки – изящные, кожаные, самые лучшие, хотя уже забылось, по какому случаю они были приобретены. Становится босыми ногами на чужую по ощущению территорию. Ложный шаг пока не сделан, еще нет. Ей понадобятся паттены[1 – Башмаки на деревянной подошве с железным ободом. Надевались поверх обычной обуви для ходьбы по грязи. (Здесь и далее прим. переводчика.)], потому что свои остались дома, а мрамор кажется ледяным даже через чулки.

Она осторожно стучит туфелькой по полу, как бы в подтверждение, что готова войти в дом, и в надежде, что хоть кого-нибудь разбудит... или, наоборот, прогонит. Теперь назад возврата нет, жребий брошен – она в Амстердаме, законная жена и в силу этого гражданка. Ее обувь покоится на мужниной территории. Она выпрямляется во весь рост, кровь отливает от головы. Тянется долгая минута, туфельки стоят, уравновешивая друг дружку, а она чувствует себя полной дурой. Это шараханье от уверенности в себе к паническим настроениям для нее обычное дело. Мать говорит про нее «мечтательница», «витает в облаках».

На улице две бабы разразились бесстыжим смехом. Нелла обернулась, надеясь разглядеть хохотушек в наступающих сумерках, но не увидела. Завязки на ее чепце во время путешествия из Ассенделфта подразболтались, и сейчас сквознячок выбивает из-под него прядки волос. Если заталкивать их обратно, она еще больше разнервничается, пусть уж щекочит лицо. Мать любила напоминать ей про достоинство, но достоинство сопряжено с неудобством.

– У нас будет зверинец?

Голос невидимки. «Я так и знала», – говорит себе Нелла. Из полумрака выплывает женщина с вытянутой рукой – не то протестующей, не то приветствующей гостью, сразу и не скажешь. Высокая, стройная, вся в черном, если не считать накрахмаленного и идеально отутюженного белого чепца, из-под которого не выбилась ни единая прядка. Интересно, давно ли она за ней следит? Пибо подал голос, завидев незнакомку.

– Это Пибо, – поясняет Нелла. – Мой попугай.

– Я вижу, – отзывается женщина. – И слышу. Надеюсь, больше вы никого не прихватили?

– Дома у меня собачка...

– Все попортит своими когтями – дерево, кожу, шелк, бархат. – Она говорит о материалах, словно речь идет о живых существах, способных на ответные чувства. – Комнатные собачки манерны и легкомысленны, как и их хозяева, французы и испанцы.

– Они похожи на крыс, – раздается в темноте новый голос.

Женщина досадливо жмурится. Хотя она старше Неллы, кожа у нее гладкая. Движения не лишены изящества, и если она и смущена, то не намерена это скрывать. Бросив одобрительный взгляд на хорошенькие туфельки у порога, она смотрит на клетку, поджав губы. От страха Пибо весь взъерошился. Левая рука женщины по-прежнему впереди, и Нелла решается положить пальчики на открытую ладонь и тем самым отвлечь внимание от птицы. Женщина удивленно вздрагивает, словно забыв о собственной протянутой руке. Кажется, они сейчас закружатся в танце.

– Какая нежная кожа, – говорит женщина. – А кости для семнадцатилетней девушки крепкие.

– Я Нелла. – Она опускает глаза на клетку. – Мне уже восемнадцать.

– Я знаю, кто ты.

– Вообще-то я Петронелла, но дома меня все зовут просто...

– Я не глухая.

Нелла осмеливается снова поднять взгляд. Глаза у женщины серые, спокойные, губы на вид мягкие, но в углах рта жесткая складка.

– Вы домоправительница? – спрашивает гостя.

В темноте раздается сдавленный смех. Женщина вздергивает подбородок и устремляет взор в жемчужные сумерки.

– Йохан здесь? – спрашивает Нелла. – Я его жена.

Женщина хранит молчание.

– Мы подписали брачный контракт два месяца назад, в Ассенделфте, – гнет свою линию Нелла. Кажется, ей не остается ничего другого, кроме как гнуть свое.

– Брата нет дома.

Еще один смешок в темноте.

– Брата? – переспрашивает Нелла.

Женщина встречается с ней взглядом.

– Йохан мой брат. Я – Марин Брандт. – Взгляд решительный, и в голосе наигранная твердость. – Его нет. Мы полагали, что он будет дома, но не получилось.

– А где он?

Марин, подняв взор к небу, закрывается растопыренной ладонью от закатных лучей, и во тьме прихожей, на лестнице, обнаруживаются две фигуры.

– Отто, – произносит Марин, опуская руку.

Вид приближающегося мужчины заставляет Неллу сглотнуть и врати в пол холодными ступнями.

Отто темнокожий, то есть весь коричневый: шея над воротником, запястья, высокие скулы, подбородок – всё-всё. Нелла в жизни своей не видела ничего подобного. Невозможно представить, что такой человек мог хихикать в темноте.

Марин следит за ее реакцией. А вот глазищи Отто никак не реагируют на изумление, которое она не в состоянии скрыть. Она прикусывает губу и в ответ на его поклон делает книксен, опустив глаза долу. Потом снова поднимает и видит, что кожа его сияет, словно отполированный орех, а вьющаяся, как у барашка, шевелюра чернее ночи и похожа на облако из мягкой шерсти – так и хочется ее потрогать, не то что прилизанные жирные волосы других мужчин.

– Я... – Она недоговаривает.

Пибо начинает петь.

Отто протягивает руку, на его широкой ладони лежат паттены.

– Это вам, – говорит он.

У него амстердамский акцент, слова перекатываются, теплые и текучие. Забирая паттены, она коснулась его кожи. Нелла обувается, это выглядит неуклюже. Башмаки ей велики, но она не отваживается об этом сказать – ничего, позже, когда окажется наверху, подтянет ремешки... если окажется, если ей в конце

концов позволят миновать прихожую.

– А это Корнелия, – говорит Марин, не спуская глаз с невестки. – Она о тебе позаботится.

Корнелия делает шаг вперед. Она чуть старше Неллы, ей лет двадцать – двадцать один, и выше. Нелла улыбается, чувствуя, что вся горит от этого беспардонного любопытства в синих зрачках. Чтобы как-то унять дрожь в пальцах, она сжимает кулаки. Служанка не спускает с нее глаз, осматривая с головы до ног. Вдруг на губах появляется ухмылочка, не сказать чтобы очень дружелюбная. Нелла пытается что-то из себя выжать, какое-нибудь формальное спасибо. Она отчасти благодарна, отчасти смущена, и тут встречается Марин:

– Я провожу тебя наверх. Покажу твою комнату.

Нелла кивает, а в глазах Корнелии вспыхивает веселый огонек. На радостные выкрики из клетки Марин незамедлительно реагирует взмахом кисти, означающим, что птицу следует унести на кухню.

– Пожалуйста, – обращается к ней Нелла. – Там стоит чад. И вообще, он любит свет.

Марин и Отто молча на нее посмотрели, а Корнелия взяла клетку и пошла восвояси, размахивая ею, как ведром.

– Это мой попугай.

Она перехватывает взгляд служанки, брошенный в сторону хозяйки. Корнелия уходит на кухню, сопровождая озабоченное воркование Пибо насмешливым чмоканьем губами.

* * *

На фоне великолепия увиденного Нелла вдруг осознает собственную ничтожность. Марин с неудовольствием разглядывает предметы рукоделия.

– Корнелия перестаралась. Будем надеяться, что Йохан на первом браке остановится.

Нелла на мгновение отвлеклась, подумав о попугае. Представила его растрескавшийся клюв и тарелку с зелеными перышками, украшенными куриными ножками, и ей пришлось потереть глаза, чтобы избавиться от наваждения и получше все разглядеть.

Вот думочки с ее инициалами, и новехонькое покрывало, и выстиранные бархатные шторы, не пропускающие октябрьские туманы над каналом. Марин с гордостью задирает подбородок.

– Моя комната. – Она делает паузу. – Была. – Она подходит к окну и, положив руку на раму, разглядывает первые звезды. – Мы отдали ее тебе, потому что отсюда открывается хороший вид.

Молчание.

– Зачем же, – говорит Нелла. – Оставайтесь здесь.

Марин как будто не слышит.

– В Ассенделфте, городке твоих предков, тепло и сухо?

– Бывает и влажно. – Нелла нагибается, чтобы закрепить ремешки слишком свободных паттенгов. – Дамбы не всегда работают. Он не такой уж большой...

– Мы не можем похвастаться своей родословной, – перебивает ее Марин, – но много ли она стоит в сравнении с теплым, сухим, основательным домом?

– Верно, – соглашается невестка.

– Afkomst seyt niet. Родословная не стоит ломаного гроша, – Марин хлопает по подушке, как бы подчеркивая последнее слово. – Пастор Пелликорн сказал это в последней воскресной проповеди, и я потом записала его слова на форзаце нашей семейной Библии. От родословной нет никакого проку. Никакого. – Она встряхивает головой, словно освобождаясь от этой мысли. – Твоя мать написала

нам, – продолжает Марин. – Настаивала, что хочет оплатить дорогу. Мы не могли на это пойти и прислали за тобой среднего класса баржу. Ты не обиделась?

– Нет. Нет.

– Вот и хорошо. В этом доме баржа среднего класса означает свежеевыкрашенная, с каютой, обитой бенгальским шелком. Баржей первого класса пользуется Йохан.

Они стоят молча. Интересно, где сейчас эта первоклассная баржа вместе с ее мужем, даже не удосужившимся ее встретить, хотя о дне приезда было известно заранее?

– У вас всего двое слуг? – спрашивает она.

– Этого достаточно, – отвечает Марин. – Более чем. Мы купцы, а не бездельники. Больше нам ни к чему. Библия учит не кичиться своим богатством. Жить тихо и скромно, без показухи.

– Ну да. Разумеется.

В комнате сгущаются сумерки, и Марин зажигает свечи, дешевые, сальные, а Нелла рассчитывала на душистые восковые.

– Я вижу, Корнелия расстаралась, вышивая твое имя, – говорит Марин.

Да уж. Пальцы служанки ясно продемонстрировали, кто теперь в доме хозяйка, вот только кому за это расплачиваться?

– Я тут повсюду, – Нелла широким жестом обводит кропотливо расшитое покрывало. Прозвучало как похвальба, и Марин поджимает губки.

– Твоя мать написала, что тебе не терпится начать жизнь замужней женщины в Амстердаме. Это правда?

– Да.

Воистину так. Не терпится. Она ведь могла сказать «нет», не хочу выходить за Йохана Брандта. И мать со временем бы ее простила. Но городок, в котором она родилась, такой маленький, всего одна площадь, и круг общения такой ограниченный. И когда Йохан Маттеус Брандт из Амстердама предложил ей руку и сердце, она согласилась. Разве у нее был выбор? Отец умер, а мать сидит на протертых стульях, оставшихся в наследство, и переживает. С ее стороны ответить «нет» было бы неблагодарностью и глупостью.

Марин нарушает молчание.

– Ты ведь еще совсем молоденькая, – говорит она. – Хотя зачем откладывать, правда? Если церковь одобряет?

Интересно, сколько ей лет и где ее муж. Может, она прячет его в подвале? Нелла сдерживает смех. В комнате нет ни одной думочки, занавески или простынки без вензеля «Б», увитого плющом, сидящего в гнезде или вырастающего на клумбе. Если не деньги, то что тогда в ее новом доме главное? Он хочет на тебе жениться, сказала ей мать, избегая встречаться с ней глазами. Ты должна ответить ему такой же любовью. Скажет тоже! Любовь, растоптанный цветок в канаве. Обещанное блаженство, в которое подмешаны искупительные капли тревоги. Ничего этого у нее с Йоханом Брандтом пока нет, зато сомнений предостаточно. Но любовь, считает она, еще придет.

В Ассенделфте, в четырех часах езды отсюда, девочкой она бродила по зеленым или выгоревшим полям, гонялась за рыбками в петляющем Амере, который разбегался на мелкие речушки, а те уже терялись в зарослях папоротника и болотцах. Вместе с братом и сестрой лепила снеговиков, когда морозец выбеливал землю, и пекла сладчайший сливовый пирог, когда лето омывало сады золотым дождем. До пятнадцати лет она обходилась без корсета.

Про ее папашу говорили, что он лучший друг пивоварен. У Неллы эта расхожая фраза, намек на то, что ее отец – забулдыга со скудеющим на глазах кошельком, вызывала отвращение. Но он это доказал своей смертью. Господин Оортман умер, когда ей было пятнадцать, завещав вдове кучу долгов, несоразмерную с кучкой детишек, и с тех пор доказательством того, что у них «все есть», были разве что заверения матери. Но очень скоро ей надоело притворяться перед тремя голодными ртами.

И вот, пока младшие сестренка и братишка играли в каннибалов на озере неподалеку от дома, мать загнала ее в дом, где она должна была учиться правильно ходить. «Но мне же некуда пойти», – возразила Нелла. Мать заиграла желваками, и у дочери впервые возникло желание бежать из этого пасторального гнездышка, покрывшегося пылью, после того как слуг одного за другим рассчитали. В общем, она стала осваивать новую походку. Для молоденькой девушки она двигалась слишком импульсивно, с угрозой растянуться и что-нибудь себе сломать. Ее так и подмывало сказать, что она всегда была проворной, как кошка, и кости у нее крепкие. Она рвалась на свободу.

Пока Карел и Арабелла разыгрывали кораблекрушения, Неллу заставляли упражняться на лютне. Равнодушно-послушная, три года она бегала ловкими пальчиками по струнам, играя на нервах у матери, готовая в любой момент взбунтоваться. И вот однажды теплым июльским вечером пришло письмо с амстердамским штемпелем. Почерк четкий, беглый, уверенный. Мать не позволила ей прочесть само письмо, однако неделю спустя выяснилось, что ей предстоит играть на лютне для некоего Йохана Брандта, который приезжает в их захолустье из Амстердама. Госпожа Оортман просияла, и Нелла сделала открытие, что не знает свою мать.

Пока солнце опускалось над равниной, незнакомец сидел на низком стуле в их обветшалом доме и слушал ее игру. Перебирая струны с ловкостью, о какой при жизни отца она и не мечтала, Нелла позволила себе взглянуть на гостя. Господин Брандт на принца не тянул. Нет, он был широкоплечий и с виду крепкий, но кожа грубовата и слишком загорелая. Небритый, волосы уже серебрятся, и, подумала она, возможно, не только на голове. Во время прослушивания он выглядел недовольным, но когда она закончила, оказалось, что ему понравилось. «Я люблю лютню, – сказал он так, словно речь идет о живом существе. – Прекрасный инструмент. У меня на стене висят две лютни, к которым годами никто не притрагивается».

Отец не одобрил бы ее переезда в город. Амстердам стоит на воде, и, как все фермеры, богатые и бедные, пьющие и непьющие, ее отец испытывал перед ним страх. Он опасался, что вода может унести жизнь человека, его стада, его урожай, а потом выбросить на чужой берег... или вообще не выбросить. Свой страх он топил в вине. Он так и не стал Ноем, так и не построил ковчег. То, на что был не способен он, сделала она, его дочь, а мать охотно ее к этому подтолкнула.

«Что Йохан во мне разглядел? – недоумевает Нелла. – Что привело его к мысли: да, на этой девушке я женюсь? Уж, наверно, не игра на лютне?»

Немного сбитая с толку нахлынувшими воспоминаниями, однако движимая чувством долга, Нелла проводит пальчиком по вышивке. Все эти бесчисленные инициалы «Б», разом поглотившие ее девичью фамилию, хвастаются своими раздувшимися животами. Сколько же здесь шерстяной пряжи! Она расплывается в улыбке, разглядывая подушечку.

– Как это красиво, – говорит Нелла. – Сколько же вы потратили сил!

– Ничего я не тратила, – следует ответ. – Это не моя работа... Сама я безрукая.

– Не могу поверить!

– Это правда.

Они стоят лицом друг к дружке, частицы этого рукодельного мира.

– Я унесла свои картины, – говорит Марин. – Подумала, что эти больше придутся тебе по вкусу.

Она показывает на стену. На одной картине написана маслом связка охотничьих трофеев, мертвые птицы свисают с крюка, каждое перышко и коготок тщательно выписаны. На соседней – гора устриц на узорчатой фарфоровой тарелке, оттененной опрокинутым бокалом вина и вазочкой с перезрелыми фруктами. Устрицы, так откровенно раскрывшиеся, повергают ее в некоторое смущение. Окровавленные клювы и остекленевшие глаза заставляют Неллу содрогнуться, так и видишь, как эту дичь начинают потрошить.

Она оборачивается к новоявленной золовке.

– Они принадлежат Йохану, – поясняет Марин.

– Спасибо. – Нелла смотрит на картины, а сама думает, решится ли она перед сном обернуть их лицом к стене.

– Ты устала после долгой дороги. Советую тебе поужинать здесь.

– Да. Пожалуй, устала. Буду очень благодарна. У вас есть что-нибудь сладкое, какой-нибудь марципан?

– Марципанов у нас нет. Мы стараемся избегать сахара. От него одни болезни.

Нелла думает о матери, лепившей для детей марципаны в виде русалок, и кораблей, и ожерелий из засахаренных бриллиантов, эти миндальные сдобы, таявшие во рту. Брат и сестренка кажутся ей уже далекими, от нее отделенными. Она не видит себя в домашней картинке, она больше не принадлежит матери. Теперь ее фамилия Брандт, и в один прекрасный день, вероятно, уже она будет лепить марципаны различной формы для своих детей, тянущих к сладостям свои липкие ручонки. Она делает глубокий вдох, и Марин вопросительно поднимает брови.

– Да, конечно, – соглашается Нелла.

– Я скажу Корнелии, чтобы она тебе принесла herenbrood[2 - Белый хлеб тонкого помола «для богатых» (голл.).] и гауду. И стакан рейнского.

– Благодарю.

Марин вдруг вытягивает нос, принюхиваясь.

– Что за запах?

Нелла невольно прикрывает ключицы.

– От меня, наверно.

– От тебя?

– Мать купила мне духи. Аромат лилий. Этот запах?

Марин кивает.

– Точно. Лилии. – Она прокашливается. – Знаешь, что говорят про лилии?

– Не знаю.

– Быстро распускаются, быстро вянут.

С этими словами Марин закрывает за собой дверь.

На пороге

В три часа пополуночи лай собак возвещает о приезде ее супруга.

Йохан Брандт. Она мысленно репетирует: «Добрый день. Йохан и Петронелла Брандт рады вас видеть, мы...»

Ее мысли обрывает взрыв лая.

Нелла Элизабет, смелее. Она не решается сойти вниз, но и уснуть уже не может. Лежит, полная нехороших предчувствий, не зная, что делать. В конце концов она встает, сует ноги в паттены и крадучись идет по коридору. Марин ее опередила. Из-за балюстрады Нелла слышит голоса Йохана и его сестры. Собаки с запахами моря в шерсти поскребывают когтями мраморную плитку и упругими хвостами охаживают мебель. Вытягивая шею над погруженной во мрак балюстрадой, она всматривается в супруга – незнакомое дорожное платье, толстые пальцы, больше пристальные мяснику. Голос звучный, суховатый.

– Здравствуй, Марин.

– Брат. Рада тебя видеть. Я молилась о твоём благополучном возвращении.

Он молчит. Выйдя из темноты, они оглядывают друг друга.

– У тебя усталый вид, – говорит она. – Дела в Лондоне задержали?

– Ну да. Осень у них...

– ...отвратительная. Позволь.

Она снимает с него верхнюю одежду.

– Йохан, ты исхудал. Вот что значит надолго отлучаться из дома.

Он направляется в кабинет, пропустив ее слова мимо ушей.

– Резеки, Дхана, – зовет он собак, и те, как старые друзья, трусят за ним. Нелла переваривает странные клички. Резеки. Дхана. У нее дома собак называют Хантерами и Снежками – клички простенькие, зато в точку, полное соответствие содержания и внешнего вида.

– Брат, – произносит Марин ему вслед. – Она здесь.

Он останавливается и стоит так, не оборачиваясь. Нелла замечает, как оседают его плечи и никнет голова.

– Вот как.

– Было бы лучше, если б ты был здесь, когда она приехала.

– Не сомневаюсь, что ты справилась.

Между бледным лицом Марин и широкой спиной ее брата повисает пауза.

– Не забудь, – говорит она.

Во время очередной паузы он лохматит шевелюру.

– Да уж не забуду.

Кажется, Марин собирается еще что-то сказать, но вместо этого обнимает себя за плечи и потирает руки.

– Как же холодно, брат.

– Так ложись в постель.

Дверь в кабинет затворяется, а Марин все стоит с плащом в руках. Затем она накидывает его себе на плечи, делает несколько шагов и останавливается, чтобы зарыться лицом в складки грубой ткани. Нелла переступает с ноги на ногу, пол под ней скрипит. Перебросив плащ через руку, Марин вглядывается в темноту. Нелла задерживает дыхание, молясь о том, чтобы лестница снова не закрипела. Слава богу, Марин направляется к платяному шкафу, и Нелла тихо ретируется в спальню... ждать.

Несколько минут спустя, после того как закрылась дверь в спальню Марин, Нелла бочком, по стеночке, выходит на лестницу. В прихожей она останавливается перед платяным шкафом, ожидая увидеть плащ там. Но нет, он, скомканный, валяется на полу. Нелла присаживается и подбирает его. От плаща пахнет сыростью, усталостью и оставшимися позади городами. Она вешает его на крючок и деликатно стучит в дверь, за которой исчез ее супруг.

– Побойся бога, – доносится голос. – Утром поговорим.

– Это я.

– Кто «я»?

– Я. Петронелла. Нелла.

Через минуту дверь открывается. Лицо Йохана в темноте неразлично. В Ассенделфте, на свадьбе, он не казался ей таким огромным.

– Esposa m?a[3 - Моя супруга (исп.).], – его первые слова.

Она не поняла, и ей не перевели. Он отходит к свету, и открывается его лицо, загорелое, обветренное. При свечах радужка, серая, как у сестры, почти

прозрачна. Он кажется смущенным. Запах мускуса, резкий, обескураживающий. Его слипшиеся жирные волосы не мешало бы вымыть.

– Я приехала.

– Да. Почему ты не спишь?

– Я пришла поздороваться.

Он целует ей руку. Его губы мягче, чем она ожидала, но сам поцелуй больше похож на клевок.

– Поговорим утром, Петронелла. Я рад, что ты добралась благополучно. Очень рад.

Звучит не слишком убедительно, но она относит это на счет усталости с дороги. До сих пор они виделись всего два раза, и это было живое общение, так что все впереди. Он отступает в полосу желтоватого света и закрывает дверь. Только сейчас Нелла осознает, как заledenели ее босые ступни. Она возвращается в свою комнату, бывшую комнату Марин, садится у окна и смотрит, как над каналом вдоль Херенграахт поднимается туман. Луна похожа на стершуюся монету.

Тихо выдохнув, она перемещается в уголок спальни. Уже не первый час она ведет борьбу за сохранение достоинства, это было последнее слово, которое прокричала вслед отплывающей барже ее мать. Пока не очень-то получается. «Опасайся девиц, – говорила ей мать, – особенно городских. От них одна грязь, и не только с улицы». Если Корнелия выдерет из хвоста Пибо хоть одно перышко, думает Нелла, она за это заплатит. Сама мысль вызывает у нее легкую тошноту.

Ее супруг – один из богатейших людей в Амстердаме, влиятельный человек, повелитель морей и морских богатств. «Такой хорошенькой грех пропадать ни за грош, – сказала мать, сообщив о том, что Брандты предлагают взять ее под свое покровительство. – Жизнь незамужней женщины слишком тяжела». – «Чем же это? – удивилась дочь. – По-моему, тяжелее живется замужним». Мать поглядела на нее как на сумасшедшую. Нелла, свидетельница того, как материнская обходительность сменилась паникой от известия о посмертных долгах супруга, не могла взять в толк, отчего мамаша так жаждет подобных кандалов для нее.

Может, разница в том, что Брандт – богатый пастух, а Оортман был овцой.

Нелла обводит взглядом серебряный кувшин, полированную мебель красного дерева, турецкий ковер, роскошные картины, от которых кружится голова. Великолепные часы с маятником тихо отсчитывают секунды. Циферблат украшен солнцами и лунами, а стрелки филигранью. Ничего подобного ей видеть не приходилось. Она подбирает разбросанные по полу вышитые думочки и складывает их на шелковое пурпурное покрывало.

Мысленно возвращается в родной Ассенделфт с брошенной лютней, давно растаявшими снеговиками, с материнскими сливовыми пирогами, которых ей уже никогда не отведать. Правильно сделала, что уехала, одному Господу Богу известна ее тайна: она мечтала уехать. Но от этого разочарование, которое ее сейчас накрыло, меньше не становится. На смену завышенным ожиданиям пришло ощущение униженности. Зачем она здесь, если ее супруг не пожелал встретить ее подобающим образом? Она вспоминает лицо Отто и паттены в протянутой руке, его розоватую ладонь по контрасту с коричневым телом, его грудной голос. Вспоминает почти неприкрытое презрение в глазах Корнелии. Она забирается в кровать и зарывается в подушки. «Достоинство, Петронелла Элизабет, – говорит она вслух. – Ты теперь замужняя женщина и должна сохранять достоинство».

Дом, несмотря на ранний час, уже бодрствует. Она слышит, как открывается и закрывается входная дверь, а чуть позже, этажом выше, скрип другой двери. Перешептываются два голоса, шаги в коридоре, и снова дом погружается в напряженную тишину. Она вслушивается – тишина обманчива. Что-то там происходит, но она боится выйти из комнаты в свою первую ночь. Вдруг под кроватью притаились волки и они вопьются зубами в лодыжки? Доносятся выкрики торговли рыбой. «Идиот! Идиот!» – проносится у нее в голове.

Резкость этих выкриков и несчастный мальчишка, шарящий в грязном подоле. Нелла жаждет более понятных признаков окружающей жизни. Радующей глаз баржи на канале, беспричинного мужского смеха, яркого солнца. Все это послужило бы доказательством того, что она не забыта, что у нее есть свое место в этом мире под названием Золотая Подкова.

Утро в разгаре, когда Корнелия приходит в спальню, чтобы одеть Неллу.

– Ночью господин вернулся из Лондона, – обращается она к сладкой ножке, торчащей из простыней. – Вы будете вместе завтракать.

Голова Петронеллы высовывается из-под одеяла – лицо пухленькое, как у херувима.

– Я долго спала? – спрашивает она.

– Да уж, – отвечает служанка.

Две молодые женщины разглядывают друг друга: одна – невинная, немного покрасневшая после хлопот на кухне, и другая – плохо соображающая со сна, чем-то похожая на младенца.

– Кажется, я проспала целую вечность, словно околдованная, – говорит Нелла. Служанка молчит. – Мой муж так неожиданно вернулся из Лондона... это не сон?

Корнелия смеется.

– Тот еще сон.

– Что вы этим хотите сказать?

– Ничего. Вставайте, я должна вас одеть.

Слышно, как соседские девки высыпали разом на солнышко и, позвякивая ведрами с водой, отдраивают мокрыми швабрами крылечки.

– Вы, наверно, рады, что он уже дома, – говорит Нелла. Корнелия отвечает усмешкой. – Вчера вы допоздна не ложились.

– С чего это вы взяли?

– Я слышала, как ночью хлопала входная дверь.

– Это невозможно, – говорит служанка. – Отто запер ее, перед тем как вы легли.

Она надевает хозяйке через голову нижнюю юбку и накрепко завязывает ленточки. Йохан купил молодой жене новые платья, и сейчас Корнелия облачает ее в голубое с серебристыми блестками. Радость Неллы быстро улетучивается – рукава ей длинные, узкая грудная клетка утопает в корсете.

– Марин послала им ваши размеры, – Корнелия все туже и туже затягивает корсет, то удивляясь, то ужасаясь немереной длине лент. – А она их взяла у вашей матери. Ну и куда я дену лишний материал?

– Белошвейка, видать, что-то перепутала, – говорит Нелла.

Служанка, знай, пытит. Дескать, других дел у меня нет.

* * *

Нелла направляется в столовую. Она вся переливается в лучах солнца, и Йохан не без удивления отвечает ей поклон. Опередившая ее Марин потягивает лимонную воду, стоя лицом к огромной географической карте на стене позади брата. Она пристально разглядывает перешейки и острова в бескрайнем океане. Интересно, думает Нелла, в какой момент в процессе переписки между Ассенделфтом и Амстердамом параметры ее тела были переданы либо приняты настолько превратно, что невеста превратилась в пародию на себя. Она тоже поворачивается к карте, стараясь не думать про нелепо болтающиеся рукава. Вот Новая Голландия, вот пальмы, расставленные по нижнему краю карты, а вокруг бирюзовая гладь и туземцы цвета эбонитового дерева, завлекающие смотрящего.

Сегодня Йохан кажется более спокойным, здоровая пятерня обхватила маленькую по сравнению с ней кружку пива. Если вчера в его взгляде было что-то рыбье, то сейчас это кремень.

– Спасибо за новые платья, – только и отваживается сказать Нелла.

– Видимо, это одно из них, – говорит он. – Мне это немного иначе представлялось. Оно тебе великовато, нет? Марин, что скажешь?

– Боюсь, что так, господин, – отвечает Нелла, глядя на Марин. Та, ни слова не говоря, садится за стол и аккуратным квадратом расправляет на коленях белую салфетку, которая смотрится этакой кафельной плиткой на ее безукоризненной черной юбке.

Уголки губ у Йохана ползут вверх.

– Не страшно, – говорит он. – Корнелия ушьет.

Какое-то время они сидят молча.

– Поешь, – обращается Йохан к жене. – А ты бы, Марин, выпила эля.

Та отвечает, что ей от него плохо.

– Ты просто не доверяешь себе, – говорит он. – Заранее боишься того, что может случиться.

– Мне нездоровится, – следует признание.

Он встречает его смехом, на который она реагирует кислой гримасой.

– Папист, – огрызается она.

За завтраком он не извиняется за то, что накануне не встретил молодую жену. Разговаривает с сестрой, пока Нелла засучивает рукава, чтобы не испачкать их в еде. Цены на шерсть, неутешительный улов сельди, беспечность миланских портовых грузчиков, поставка грузов в Венецию и Батавию. Марин жадно глотает эти лакомые куски, позабыв о своем недомогании. Чтобы загладить инцидент с элем, Йохан вкратце сообщает сестре, как продаются табак и кофе, шелк и серебро, корица и соль. Она требует точных цифр, но он не знает на память.

Он говорит о том, что сёгунат ввел новые ограничения на транспортировку золота и серебра с острова Десима и какими потерями это может обернуться в будущем. Нелла быстро пьянеет от потока информации, а вот у Марин с головой все в порядке. Она жаждет подробностей. Что нового слышно о соглашении с султаном Бантама по поводу перца? Чем это может грозить ОИК? Он хочет подразнить сестру и сообщает ей о якобы уплывшем из его рук контракте на шерсть с торговцем мужским платьем из Ломбардии – теперь выручка переключается в чужой кошелек.

– И кто же этот счастливчик? – живо интересуется Марин.

– Уже не помню.

– Кто? Кто? – не отстает она.

– Английский купец из Ост-Индской компании.

– Опять Генри Такер?

– Нет. Томас Филд.

Марин бьет кулаком по столу.

– Филд. Англичанин, – возмущается она. Разрумянившийся Йохан молчит. – Брат, чем ты думаешь? А? За последние два года мы ни разу...

– Марин, англичане покупают наше харлемское полотно.

– Они такие скупые!

– Да уж. – Похоже, он испытывает удовольствие при мысли об этих лондонских разбойниках с якобы математическим складом ума. Он даже не пытается заставить сестру замолчать, и Нелла недоумевает, почему ему так нравится над ней подтрунивать.

– Ну все, довольно, – говорит он наконец с блеском в глазах. И в задумчивости наполняет графин элем. – Я собираюсь переговорить с Гансом Меермансом о

сахаре. – Взгляд его устремлен на янтарную поверхность, поднимающуюся на глазах.

Марин кривится.

– Нет. Нам это не надо.

– Я больше не могу игнорировать его предложение, Марин.

– Милый, он такой хлыщ и к тому же сумасшедший... побережем наши души. Мы, добропорядочные амстердамцы, должны...

– Избавь меня от своего благочестия. Оно меня и так уже далеко завело. Тебя тоже. – Следует пауза, такая вязкая, что Нелла ощущает ее на вкус. – Сахар полезен для кошелька, сестра, – говорит он, – а проблемы кошелька известны тебе лучше, чем кому бы то ни было.

Марин косится на Неллу.

– Разве у нас плохо обстоят дела, брат? – говорит она. Йохан хмыкает. – Нам не нужен Ганс Меерманс с его суринамским импортом. Мало нам мороки с азиатским товаром, чтобы лезть еще и на Карибы?

Йохан вздыхает. Похоже, эти аргументы он слышит не впервой и ему надоело толочь воду в ступе. Однако Нелле непонятна его снисходительность к сестре, высказывающей столь радикальные взгляды. Почему она против сахара? И зачем вообще лезет не в свое дело? Это его бизнес, а теперь, когда Нелла стала его женой, их общий.

– Марин. Дела в ОИК обстоят, мягко говоря, неважно. Коррупция ван Рийбека в Гёде Хупе, все эти гнусные маленькие императоры на наших дальних аванпостах, взятки, черные рынки... пришло время посмотреть на запад, а это сахар. Если не проявим благоразумие...

– Что скажет Отто, если ты начнешь закупать сахар? – перебивает его Марин.

– Что скажет Лийк, если я этого не сделаю? – возражает он. Марин фыркает. – Суринам для него не более чем географическое название, – он явно желает увести разговор от Лийк.

Марин недовольно хмыкает.

– Это только тебе так кажется.

Йохан глядит на нее с раздражением.

– Бизнес Ганса Меерманса может обеспечить наше будущее, – говорит он. – И только из-за того, что ты... – не договорив, Йохан берет себя в руки. – Я за неделю добьюсь большего, чем Ганс за десять лет, – тихо говорит он. – Это мой шанс, Марин. Ты должна дать мне этот шанс.

Она задумчиво смотрит на него.

– И чем же тебе придется пожертвовать, брат, ради этой сделки? – Голос ее уже спокоен.

– Чужие жертвы тебя не интересуют, Марин. А с меня хватит жертв.

Она лишь фыркает в ответ, но он пригвождает ее взглядом к стулу, и она, поджав губы и вперив горящий взор в географическую карту на стене, не издает больше ни звука.

Сёгуны, серебро, сахар, султаны. То, что Йохан посвящает сестру в свои торговые дела, кажется Нелле каким-то озорством, даже беспечностью. Порой он идет на уступки, но при этом всегда напоминает, что она может лишиться подарков. В любом случае он переступает опасную черту. Какой другой женщине известна рабочая кухня Ост-Индской компании? Если Нелла понимает все правильно, цена секретов – тысячи гульденов. Для Йохана это забава. Для Марин все серьезно: ей оказывается честь, пускай эпизодически, и в любой момент ее могут этого лишить.

Торговые дебаты дают Нелле возможность поизучать супруга сквозь полуприкрытые веки. Рядом с этим загорелым мужчиной они с Марин просто светятся. Нелла представляет, как он стоит в пиратской шляпе на палубе шхуны, рассекающей исчерна-синие волны в дальних морях.

Она пытается вообразить, какой он без одежды, как выглядит штуковина у него в штанах, которую он для нее готовит. Мать предупреждала ее, чего следует ждать молодой жене – пронзительной боли, остается только лелеять надежду, что боль продлится не слишком долго. В Ассенделфте хватало баранов и овец, чтобы иметь об этом элементарное представление, но она желает любить мужа без смущения, без мрачных предчувствий. Испугавшись, что по ее лицу они прочтут ее тайные мысли, Нелла опускает глаза в тарелку. Ночью, когда он к ней придет, у нее будет время попереживать.

Завтрак подошел к концу, Корнелия убирает крошки белого хлеба и остатки гауды, Йохан встает. Три женщины смотрят на него вопросительно, а он выходит из комнаты, лишь махнув рукой. Марин и Корнелия, кажется, понимают смысл этого жеста. Марин со вздохом берет принесенную ранее книгу. Это «Дурак дураком», пьеса Хуфта.

– Как часто Йохан уезжает? – спрашивает Нелла, но Марин не отрывается от чтения. Нелла повторяет вопрос. Марин откладывает книгу и тут же недовольно восклицает, видя, что загнулась страница.

– Мой брат уезжает. Возвращается. Снова уезжает, – говорит она. – Сама увидишь.

Какое-то время Нелла молча наблюдает за тем, как служанка убирает со стола.

– Корнелия, как там Пибо? – спрашивает она.

– Хорошо, мадам. Все хорошо. – Служанка избегает встречаться с ней взглядом. Сегодня она не в таком веселом расположении духа, ни смешков, ни подтруниваний. Она кажется усталой и чем-то озабоченной.

– Но ему нужен свежий воздух, а в кухне испарения. Пусть полетает в моей комнате.

– Он может схватить что-то ценное, – говорит Марин.

– Не схватит.

– Или вылетит в окно.

– Окно я закрою, – обещает Нелла.

Сметая крошки в грязную тарелку, Корнелия бросает лукавый взгляд на молодую хозяйку, Марин же захлопывает книгу и выходит вон. Служанка, проводив ее взглядом, устремляется за ней, но в дверях, словно вспомнив о чем-то, оборачивается. Одной рукой она показывает на Неллино платье, а пальцами другой изображает работу ножниц. Нелле остается только гадать, означает ли это подтверждение или угрозу. Пока она раздумывает, Корнелия уходит следом за госпожой. Нелла, откинувшись на спинку стула, смотрит невидящими глазами на географическую карту на стене. Через приоткрытую дверь доносится разговор брата и сестры перед его кабинетом.

– Я хочу поговорить с тобой о попугае.

– А что такого? – спрашивает Йохан.

– Я его на дух не переносу.

– Не говори глупости. Это всего лишь птица. Ее птица.

Слышно, как открывается входная дверь.

– Ты куда? – женский голос.

– О господи, Марин, у тебя что, своих дел нет?

Нелла слышит цоканье деревянных паттен по мраморному полу.

– У тебя теперь есть жена, Йохан.

– А еще у меня есть дело. И не одно.

– В воскресенье? Какие могут быть дела в воскресенье?

– По-твоему, благополучие этого дома обеспечивается по мановению волшебной палочки?

Молчание.

– Ты не пойдешь, – говорит она. – Я не позволю.

– Ты не позволишь? Уж не потому ли, что я тебе ничего не привез? Только платья для жены, в которых она по твоей милости выглядит дурой. – Его голос звучит тихо, зато каждое слово как короткий удар.

Мужские шаги затихают на пороге, хлопает входная дверь, поднимая в доме воздушную волну. Хотя Нелла сквозняка не почувствовала, все свечи в столовой разом гаснут, и она остается в полутьме. А вот и Пибо позвал ее из кухни, она поднимается и осторожно нащупывает дорогу.

Нелла сошла вниз и остановилась на пороге кухни.

За боковым столиком Отто неспешно протирает к обеду серебряные приборы. Она застыла – как бы не показать свое восхищение этими ловкими, проворными пальцами. Хоть он и невысокого роста, плечи у него широкие, и стул кажется маловатым для него. Пока он протирает нож, она стоит как дурочка, не произнося ни слова.

Отто показывает на крюк, на котором Корнелия повесила клетку с попугаем.

– Шумный он у вас, – говорит Отто.

– Простите. Я бы забрала его к себе, но...

– Ничего, мне нравится.

– Правда? Это хорошо.

– Откуда он у вас?

– Дядя принес. Не знаю откуда.

– Значит, не в Ассенделфте вылупился?

Она качает головой. Он что – шутит? Разве такое зеленое пернатое чудо могло родиться в Ассенделфте? Она растеряна. Ему известно название ее городка.

– Вы что, собираетесь весь день простоять на пороге?

Нелла, покраснев, подходит к клетке и сквозь прутья поглаживает попугая. Пибо, ответив на это тихим ик-ик, начинает перебирать перышки, словно что-то ищет. Отто берет вилку и мягкой тряпицей проходится по каждому зубцу. Нелла зажмурилась и вцепилась в железные прутья так, что побелели пальцы. Сияют квадратные кафельные плитки, доходящие до потолка с рисунком, создающим оптическую иллюзию. Такое ощущение, будто стеклянный купол пытается унести в небесную высь, прорвав оштукатуренную поверхность.

– Это господин Брандт распорядился, – объясняет Отто, перехватив ее взгляд.

– Здорово придумано.

Отто смеется, а у нее внутренности тают и переворачиваются. Таких голосовых модуляций, нежных и одновременно возбуждающих, ей слышать еще не приходилось.

– Мне не нравится, – говорит он.

– Что?

Он тычет прибором вверх.

– Почему? – Она сопровождает глазами движение вилки, так как не решается смотреть ему в лицо.

– Это трюкачество от влажности когда-нибудь отвалится вместе со штукатуркой.

– А Марин говорит, что в доме сухо. И еще что родословная не стоит ломаного гроша.

Он улыбается. Зубы у него белые, как кафель.

– Тут я с ней, пожалуй, соглашусь, – говорит он.

– Насчет родословной?

– Ну, – следует пауза. – Скорее я о сухости.

Перед Неллой огромный трехстворчатый буфет, за стеклом тарелочки и прочая посуда из фарфора. Она впервые видит такую коллекцию. Дома они обходились делфтским фарфором по минимуму.

– В этих тарелках отражен мир хозяина, – говорит Отто. Она пытается понять, чего в его голосе больше, гордости или зависти, но ей это не удается. – Делфт, Дэдзима, Китай. Посуда со всех концов света.

Она встречается с его улыбкой и опускает глаза в пол.

– А Йохан... мой муж... часто путешествует? – спрашивает она.

Отто хмурится, глядя на лезвие ножа, которое ему предстоит отполировать.

– Приходится.

– Но зачем? Разве он недостаточно богат, чтобы послать вместо себя кого-то другого?

Отто пожимает плечами.

– Богатство надо поддерживать, иначе все утечет сквозь пальцы. – Почистив ложку, он складывает тряпицу аккуратным квадратиком. – Пока наши акции идут вверх. – Его палец делает спиральное движение к подобию стеклянного купола у них над головами, и Нелла еще раз поднимает глаза к обманчивой бездне.

– А что произойдет, когда они достигнут самого верха?

– Известно что, мадам. Все покатится вниз.

Мадам. В его устах звучит красиво. Безукоризненно одетый слуга в ее доме называет ее «мадам» – она на седьмом небе, сердце переполняет благодарность, а он, похоже, ничего не замечает.

– Вы путешествуете вместе с ним? – спрашивает она.

Он кладет нож.

– Нет.

– Отчего же?

Отто поднимает столовую ложку, молча разглядывает в ее серебряной выпуклости свои искаженные черты, затем переводит взгляд на Неллу.

– Я не плаваю, – последнее слово он произносит с ноткой презрения, как будто оно включает в себя не только водное пространство и надувшиеся паруса, но и кое-что другое. А еще тут слышится намек, что это не единственное, чем стоит заниматься. – А господин любит море, – добавляет он.

– Я бы тоже полюбила. – Нелла представляет, как они с Карелом дрейфуют в корыте среди камышей, а стоящая на берегу Арабелла умоляет взять на борт и ее тоже. Вечно она путается под ногами, поэтому они частенько не брали ее в свою компанию.

Отто смеется. Придирчиво изучает рукоятку ложки, не грязная ли. Настоящий педант. А она более пристально разглядывает его одежду. Все такое добротное, швы ровненькие, аккуратненько проглаженные, ни торчащей ниточки, ни пятнышка. Под ситцевой рубашкой руки двигаются с естественной грацией. Сколько ему лет? Года двадцать три. Ботинки сияют, словно генеральские. Вот бы оказаться в брачной постели с ним вместо Йохана! Эту мысль, тайно прокравшуюся в голову, она не успела остановить. Она вцепилась в прутья клетки. Интересно, а под одеждой он такой же? Наверняка другой. Собственно, во всем, что открыто ее взору, он не такой, как Йохан... молодость, цвет кожи... и есть в нем еще какое-то отличие, которое она пока не может сформулировать.

– Нет ничего более несхожего, чем суша и море, – говорит Отто. И, поглядев на нее, вздыхает.

Нелла вытаскивает пальцы из клетки и усаживается возле очага.

– Откуда вы все это знаете? – спрашивает она.

Он отворачивается, она ждет.

– А на что мне глаза и уши?

Она вздрагивает. Не такого ответа она ожидала.

– Да, конечно, я...

– Простите, я не хотел...

– Отто! – На пороге стоит Марин. Отто вскакивает и рефлексивно проводит пальцами по сияющим столовым приборам. Они разложены на столе, как хорошо надраенное оружие.

– Он работает, – обращается она к Нелле. – У него много дел.

Отто не пытается ей перечить, но взгляд, которым он ее окоротил, не прошел для Неллы незамеченным.

– Оставь приборы, Отто, – продолжает Марин. – Наверху надо кое-что переставить. – Она разговаривает с ним, как с двенадцатилетним подростком. С этими словами она разворачивается и уходит, а они прислушиваются к удаляющимся шагам.

– Петронелла, вы бы стали ворошить ногой улей? – спрашивает он вполголоса, глядя на нее своими большими карими глазами. – Вас бы укусили пчелы.

– Я не...

– Держите клетку закрытой, – добавляет он с улыбкой. Это не приказ, а совет, решает про себя Нелла. Кажется, у нее здесь появился союзник. Он готов поделиться с ней оружием. Отто выходит следом за хозяйкой, и к ее удаляющимся шагам добавляются мужские.

Навстречу неведомому

Нелле хватает трех дней, чтобы понять: Марин не собирается с ней разговаривать, разве что отдать распоряжение или процитировать в назидание что-нибудь из семейной Библии. Каждое утро она собирает домашних, чтобы прочесть отрывок из Священного Писания. Делает она это почти скороговоркой, словно ее смущает собственный голос, разносящийся эхом над черно-белыми мраморными плитками, а руки вцепляются в аналой, как в края паррома. Нелла удивлена, что это взяла на себя Марин. Дома, по трезвости, это делал отец, а теперь уже поднаторевший тринадцатилетний Карел читает сестре и матери священные тексты.

Сначала Марин выбрала «Притчи», потом адские муки из «Книги Иова», а сегодня, на пятый день Неллиного пребывания в доме, прозрачную игристую воду «Евангелия от Луки».

Нелла поднимает глаза и присматривается к членам своей новой семьи, пока Марин читает. Корнелия, зажмурившись, словно силой заталкивает в себя благую весть, голова ее занята тем, что приготовить к следующей трапезе. Порой кажется, что она спит стоя – очень может быть с учетом бесконечных

хозяйственных дел. Если она не варит осетра, то полирует мебель из дуба и палисандра, подметает, перетряхивает простыни или протирает оконные стекла. Всем известно, что труд делает человека добродетельным, а значит, порядочные голландцы ограждены от мира праздной и неряшливой роскоши. Вот только на этом молоденьком личике с недовольно выпяченной нижней губой добродетельность как-то не просматривается.

Отто, до сих пор смотревший в пол и с задумчивым видом внимавший речам, призывающим к набожности, скромности, прилежанию и милосердию, вдруг перехватил взгляд Неллы и поспешно отвел глаза. Общение душ – единственное доступное им общение, оба это знают, поэтому даже такой контакт украдкой можно считать почти греховным. Йохан, лишь однажды, на второй день, составивший им компанию, просидел весь ритуал с сомкнутыми руками и взором, опущенным долу.

Нелла отважилась на парочку ознакомительных осмотров первого и второго этажей. Задние комнаты, недоступные для гостей, оказались попроще, все великолепие досталось комнатам, выходящим окнами на улицу. Особенно впечатляющими они кажутся в отсутствие людей, способных только протирать бархатную обивку да оставлять следы на полированном деревянном полу. Она оценила кремового цвета мраморные колонны обочь пустых каминов и столь непривычные для глаза картины... сколько картин! Корабли и заморские ландшафты, охотничьи трофеи и увядающие цветы, череп, похожий на бурый клубень, а рядом виола с порванными струнами, распластанные зайцы, золотые блюда и покрытые финифтью чаши из морских раковин. От всего этого у нее начинаются галлюцинации – тут и намеки вперемешку с моралью, тут и красота с отголоском смерти.

Стены покрыты позолотой и кожей, еще сохранившей едва уловимые и все равно пугающие запахи свинофермы, воскрешающие в ее памяти хлев в Ассенделфте. Она воротит нос, не желая, чтобы ей так скоро напоминали о том, с чем она поспешила расстаться. Фрески на потолке притягивают ее внимание, но задерживаться опасно, невозможно. Кто застигнет ее на месте преступления, кто схватит за руку и оттащит от этой сказки? Вот еще одна из ее фантазий: если она слишком надолго задержится в какой-то из комнат, ее отправят домой на барже среднего класса. Что она хозяйка такого богатства – не более чем глупая шутка. Этот дом ей не ближе, чем дворец английского короля. Кабинет Йохана в конце коридора и спальня Марин остаются необследованными, глядя

на дверные ручки, она пытается представить, что там, за дверями, – голое пространство или еще большее великолепие.

Заглянув в кладовку, Нелла видит на стене те самые две лютни, принадлежащие Йохану, которые Корнелия полировала на кухне. Она потянулась к инструменту и аж вздрогнула, это Марин, незаметно подошедшая сзади, властно положила руку ей на плечо.

– Она не предназначена для игры. Это произведение искусства, и брэнчанием его можно только испортить.

Отметив про себя провисшие струны, но ничего не сказав, Нелла разворачивается и уходит наверх. В спальне одолевающая ее скука перерастает в ярость. Нелла сидит на огромной кровати и колотит кулаком по подушке, воображая, что это лицо недоброжелательницы. Как она, не умеющая играть, смеет ей что-то говорить? Свято верит, что место лютни на стене!

Снова спустившись вниз, успокоившаяся, но более несчастная, чем накануне, она садится перед закрытым окном. Мимо проходит Корнелия с половой тряпкой и ведром воды.

– Они там сто лет висят, – бросает она на ходу. А Нелла вспоминает печальное лицо Йохана, слушавшего ее игру на закате в Ассенделфте.

В тот же день Йохан объявляет, что они идут на обед в гильдию серебряных дел мастеров. У Неллы забилося сердце, оно прямо-таки стучится в грудную клетку. Кажется, начинается ее путешествие. Ее маленький плот вытолкнут в бурное море амстердамской светской жизни! А он, бывалый мореход, станет у руля.

– Марин, ты с нами? – спрашивает Йохан, и Нелла не в силах скрыть разочарования. Она ловит на себе взгляд служанки, но, к счастью, Марин ничего не заметила. Она кажется необычно возбужденной. Прежде чем ответить, она оценивающе смотрит на серебристое платье невестки, благодаря Корнелии теперь оно сидит гораздо лучше.

– Кто там будет? – спрашивает она.

– Что ты, сестра, всегда ждешь каких-то комбинаций? Всё как обычно.

– Ясно, – она отводит взгляд. – Я, пожалуй, останусь дома.

Йохан и Нелла впервые наедине. За эти дни она успела понять, что муж, как и его личное пространство, недоступны ее глазу. С баржи Йохан разглядывает проплывающие мимо особняки. Благодаря водной глади и сноровке гребца кажется, что дома плывут, а они стоят на месте.

Нелла сдержала слово и начала помогать Корнелии мариновать на зиму огурцы.

– Отто, а вы нам не поможете? – закинула она удочку. Он поставил на пол кожаный сапог хозяина, положил суконку и присоединился к женщинам за кухонным столом. Нелла предпочла бы остаться с ними, то, что ей предстоит, ее пугает.

Она тонет в молчании, в горле застревают непроизносимые слова. Внутренний голос звучит так громко, что Йохан наверняка его слышит. Ах, если бы она могла поговорить с ним о биржевых трендах и акциях и алчных англичанах, но она о его мире ничего не знает. Он принимается рассеянно чистить ногти, грязные полумесяцы падают на пол. Он перехватывает ее взгляд.

– Кардамон забивается под ногти, – поясняет он. – Так же как соль.

Нелла вдыхает запахи баржи, напоминающие о краях, в которых он побывал, ароматы мускатного ореха и коричневого дерева, забившиеся в его поры. Зато мускус, который ее нос уловил в кабинете в самый первый вечер, куда-то пропал. Она присматривается к загорелому лицу супруга, к его длинным космам, выбеленным и сделавшимся жесткими от солнца и ветра. Неуместное желание волной пробегает по телу. Ей уже не терпится узнать, как у них все получится в постели. За эти три дня он к ней ни разу не прикоснулся. Она оставляла дверь спальни незапертой, ключ просто торчал в замке. Может, нынче ночью, после гуляния. Когда они вернутся, разгоряченные вином.

Она сдавливает ладони, словно надеясь таким образом выдавить панику. Пытается себе вообразить залу, где собираются серебряных дел мастера: рассеянный свет, тарелки, похожие на гигантские монеты, едоки, отражающиеся в каждой зеркальной поверхности.

– Ты любишь серебро? – вдруг спрашивает Йохан, и в голове у нее раздается звон.

– Да, очень, – признается она. Только не лепетать.

Йохан, оторвавшись от ногтей, взглядывает на нее. Она не опускает глаз. Они изучают друг друга, как господин и раб на невольничьем рынке.

– Что ты знаешь о гильдии?

– Очень мало. Я из Ассенделфта, а значит, как считает Марин, ничего не знаю.

Йохан мысленно оценивает этот почти неприкрытый крик о помощи, который проваливается в него и застревает где-то в кишках. Он ничего не отвечает на ее крик, и она чувствует себя уязвленной отсутствием всякого участия.

– У этой гильдии много денег, – говорит он. – Одна из самых богатых. В тяжелые времена она берет своих членов под защиту, обеспечивает учениками и средствами для ведения торговли, но при этом навязывает нормы выработки и контролирует рынок.

– Зачем мы туда едем?

– Чтобы они могли выжать из меня денег в обмен на тарелку еды. – Он вздыхает. – Они ждут от меня более активного попечительства. Я – тот пролом в стене, который ведет в волшебный сад.

– А я там зачем? – спрашивает она.

– Редкая возможность для жен показать себя. – Он улыбается. – Обычно вас туда не допускают. Женщины – verboten[4 - Запрещено (нем.)].

– Понятно, – говорит она, хотя ничего ей не понятно. Она даже не поняла смысла последнего слова. За недолгий срок своего пребывания в этом доме она успела заметить, что Йохан частенько употребляет иностранные слова. Остается только гадать почему. Есть в нем что-то загадочное. И говорит он с ней так, как никто и никогда не разговаривал.

– Почему Марин с нами не поехала?

Он вздыхает.

– Иди сюда.

Она послушно, не без волнения придвигается к нему. Он приподнимает пальцами ее подбородок, удлиняя шею. Потом берет лицо в ладони, касаясь юных щек. Его пальцы толсты и грубы, но ей нравится его прикосновение. Она мечтала об этом с момента приезда.

– В мире нет ничего прекраснее серебра. – Йохан убирает ладони с ее лица. – Я закажу ожерелье для этой шеи.

– Благодарю.

Из-за бурлящих в голове мыслей ее собственный голос кажется ей каким-то далеким. Она потирает горло, словно возвращая его к жизни, возвращая на место.

– Теперь ты замужняя женщина, – говорит он.

– Да.

– Тебе не мешало бы приодеться. – Он улыбается, не осознавая грубоватости сказанного. Нелла ощущает, как где-то в животе у нее затвердевает уже знакомый камешек страха и слова застревают в горле. А с лица Йохана не сходит улыбка. После паузы он говорит: – Марин ходит исключительно в черном, только никто не видит, что у нее под платьем.

– В каком смысле?

– Подкладка, – он показывает зубы. – Меха и бархат. Все платья. И кто все это оплачивает? Моя сестра, цитирующая Иезекииля: «И положу конец надменности сильных», – тайно ходит в мехах!

Он радостно хохочет и притоптывает ногой, словно ставя точку в этом вопросе. И скалит зубы. «Что это с ним?» – думает она, но вслух ничего не говорит, не зная, как ей реагировать на эти сплетни, на его профессиональный опыт, на его житейскую мудрость.

Выражение его лица снова меняется. Он глядит на нее благожелательно, но бесстрастно, как добрый дядюшка.

– Я не сделаю тебе больно, Петронелла.

Голос его звучит иначе, и прямота, с какой он это произнес, заставляет ее покраснеть. Она смотрит в окно на бесконечную череду проплывающих мимо фасадов. Потом скрещивает ноги и представляет, как он в нее входит... ждать ли ей разрывов? Опасаться ли боли? Что бы там ни случилось, избежать этого нельзя, придется себя пересилить.

– Я серьезно, – продолжает он, подавшись к ней и обдав ее запахами соли и кардамона, а также своей необычной мужской силы. – Более чем серьезно. Петронелла, ты меня слушаешь?

– Да. Я слушаю, Йохан. Вы не сделаете мне больно.

– То-то. Ты можешь не бояться меня.

Но он уже подался назад, снова уставившись в окно. На канал окончательно опустилась ночь, и Нелла разглядывает через стекло пляшущие огоньки лодок и ощущает абсолютное одиночество.

Лийк

Нелла и рада бы получить удовольствие от банкета в гильдии, но то и дело звучащие крики мужчин и какофония грохающих об стол серебряных кружек к этому не располагают. Они с Йоханом, плечом к плечу, прогуливаются вдоль стены, обшитой красным деревом, под шепоток и хихиканье окружающих. Мимо проплывают редкие женщины в черном, с кружевным жабо на груди, открывающим в лучшем случае узкую полоску живой плоти. Вот какая-то женщина стрельнула взглядом в сторону Неллы, глаза ее, поблескивающие в отсвете горящих свечей, расширились, а затем сузились при виде новенькой. «Улыбайся и не обращай внимания», – шепчет ей на ухо супруг, одаривая встречных женщин холодными улыбочками. Нелле кажется, что ее съели бы живьем, если бы не все эти цыплята, индейки, мясные пироги и засахаренные фрукты, коими уставлены столы.

Они усаживаются за длинный стол на козлах, покрытый великолепной белой камчатной скатертью. Большие серебряные блюда, кувшины, тарелочки.

– В еде я открываю себя, – говорит Йохан, вооружившись вилочкой для разделки крабов. Он вдруг сделался словоохотливым, словно в компании друзей-приятелей, и болтает со своей юной женушкой так, будто они лет двадцать вместе бороздили моря-океаны. – Зернышки тмина, украшающие свежий сыр, напоминают мне, что я равнодушен к радостям земным. – Йохан разболтался и уже не может остановиться, она то и дело теряет нить. Если бы он был лисой, а Нелла охотником, она вернулась бы домой с пустыми руками. – А взять делфтское масло... такое рафинированное, такое жирное, не похожее ни на какое другое... это же огромное наслаждение. Я продаю сахар, у меня же патенты. Я тебе так скажу, Нелла: майоран и сливовое пиво доставляют мне больше радости, чем успешная сделка.

Он взглядывает на жену, отделенную от него столом.

– Надо будет сказать Корнелии, чтобы она тебе сделала.

– Моя мать тоже делает. – От его болтовни и общего гомона у нее кружится голова.

– Летом, на легкий завтрак, инжир со сметанкой, – продолжает он. – Все, что осталось от детства... вкусовые ощущения. Ты наверняка тоже помнишь.

– Конечно.

– Для тебя это недавнее прошлое.

Она готова с ним поспорить, ее детство давно кануло в прошлое, но прервать Йохана – все равно что пытаться рукой остановить половодье.

– Память через вкусовые ощущения, – развивает он свою мысль. – Пища – это язык. Пастернак, турнепс, лук-порей, цикорий салат... мне становится не по себе, когда другие этого не слышат. А рыба! Камбала, угорь, лиманда и треска – моя любимая четверка, хотя не откажусь ни от каких морских или речных даров в нашем отечестве.

Улыбка до ушей. Хоть бы он уже перестал скалиться, разглагольствовать и постоянно озирается!

– Что вы едите в море? – спрашивает она.

Он кладет вилку.

– Человечину.

Она прыскает, и ее смех, не будучи поддержан, повисает между ними таким вопросительным знаком. Пожав плечами, он вонзает вилку в очередного краба.

– Когда заканчивается еда, каннибализм становится единственным путем к спасению. – Он одаривает ее улыбкой, и она не находит ничего лучшего, чем опустить глаза в тарелку.

– Шутка, – успокаивает он ее. – Шутка.

Снова спазм в животе. Не ровен час она потеряет сознание – от шумного застолья, от неопределенности их разговора, от всей новизны, которая на нее обрушилась.

– У меня есть любимая таверна, – говорит он. – На Восточном острове, возле товарных складов. Горячая картошка тает во рту. Неподражаемые крабы. Не то

что этот. – Он потыкал вилкой в мякоть. – Мой тайный рай.

– Но вы же мне про него рассказали.

Он поигрывает вилкой в воздухе.

– Да, – соглашается он. – Рассказал.

Приятно удивленный ее наблюдательностью, он смотрит на нее с возросшим интересом, но тут же переключается на волокнистую бренную плоть на тарелке. Клешни цвета чернил, вызывающе красный, а кое-где розоватый панцирь. Оторвав клешню, Йохан выковыривает из нее вилкой все до последнего волоконца – подобно Отто, он сверхпедантичен – и успевает поприветствовать какого-то цеховика.

Покончив с крабом, Йохан оставляет ее одну, а сам уединяется в уголке с небольшой группой. Вероятно, чтобы обсудить финансы, поставки грузов и комиссионные, за которыми они гонятся, точно за трюфелями, по всей Европе. Группа на удивление быстро распадается, так что рядом с ним остаются единицы. Кто-то заговорил о королевских семьях в Англии и Франции, о том, что они обставляют свои дворцы с небывалым рвением, приобретая самые дорогие вещи. Богатые люди, подхватывает другой. «А мы еще богаче», – произносит Йохан с плотоядной ухмылочкой, и остальные с готовностью раздражаются дружным смехом. Нелла присматривается к тем, кто остался с ее мужем. Ей не вполне понятно их поведение, но что-то в нем ей не нравится. Стоит им только отвернуться от Йохана, как оживление на их лицах куда-то улетучивается, и кажется, его общество радует их совсем не так сильно, как они секунду назад старались это показать. Она ощущает странную опустошенность, зато выкристаллизовывается некий опыт, приобретенный в новой для нее среде. Ее собственные улыбки такие же вымученные, застывшие, в них присутствует что угодно, только не радость.

Она сидит, не притрагиваясь к третьей перемене, чаше с гребешками в гороховом и сливовом соусе, просто не в силах себя заставить, и тут замечает, что к ней направляется женщина, которую она уже видела раньше. Прямая спина, светлые волосы закручены в этакий замысловатый кок, украшенный черной бархатной тесьмой, в ушах болтаются жемчужные сережки. Женщина

придирчиво разглядывает Неллу, и та благодарит бога и Корнелию за маленькое чудо: после переделок платье сидит на ней отменно.

Остановившись рядом, женщина делает глубокий книксен.

– По слухам, вы еще совсем молоды.

Нелла одной рукой сжимает чашу. А женщина, распрямившись, бегло озирается.

– Все гадали, какая вы. – Она понижает голос и наклоняется ближе. – Я вижу, в отношении жены Йохан Брандт придерживается таких же высоких стандартов, – говорит она с улыбкой. Нелле остается надеяться только на то, что ее душевное смятение никак не отражается внешне. Не сказать чтобы в тоне незнакомки звучала недоброжелательность, но слишком уж всё в лоб, это делает Неллу еще более уязвимой, и ей это не нравится.

– Лийк ван Кампен, – представляется незнакомка. – Жена Ганса Меерманса с Принсенграхт. – Она делает паузу в расчете на то, что имена произведут должный эффект. Не дождавшись, ибо взгляд Неллы ничего не выражает, она продолжает: – Мы практически соседи и братья по крови.

Для рафинированной особы речь у нее какая-то искусственная. Слова не спонтанные, а будто заученные и отрепетированные перед зеркалом. А посему и ее дружеский тон сбивает Неллу с толку. Она не знает, что ответить. Уставилась на жемчужные сережки, создавшие над головой надменной Лийк подобие полунимба, размером с молочные зубки, они туманно посверкивают при свечах и, того гляди, оторвутся, слишком уж ненадежно закреплены в отличие от узла волос.

На вид Лийк чуть старше Марин, но у обеих кожа не отмечена печатью изнурительной жизни. На волевом, пусть и невзрачном, лице не видно ни родинок, ни загара, а на крыльях носа и слегка впалых щеках – ни одного лопнувшего кровеносного сосудика. Нет синяков под глазами, никаких признаков физических усилий или выношенных детей. Ее можно было бы даже назвать эфемерной, неземной, если бы не эти стреляющие темные глазки, мгновенно оценившие Неллу с головы до пят – ее серебристое платье, узкую талию, дрожащее запястье.

Нелла силится извлечь свое тело, зажатое между столом и лавкой, но это не так-то просто, к тому же мешает просторная юбка. Лийк наблюдает ее борьбу и терпеливо ждет, не допуская сомнений в необходимости ответного книксена. Кое-как выбравшись из узкой щели, Нелла приседает так низко, что ее лицо чуть не утыкается в иссиня-черную парчовую юбку, кажется, готовую ее удушить.

– Поднимитесь, детка, – говорит Лийк.

Поздно, думает Нелла. Лийк оглаживает свой кок, и тут Нелле открывается то, что должно было открыться: все пальцы до единого украшены кольцами – рубинами, аметистами и переливающимися изумрудами, призванными отвлечь на себя внимание от некрасивого лица. Такое количество драгоценных камней напоказ... как-то не по-голландски. Нелла пытается представить себе такую россыпь на пальцах Марин, но не хватает воображения.

– Меня зовут Петронелла Оортман, – говорит она. – Петронелла Брандт. Нелла.

– Откуда вы приехали?

– Из Ассенделфта.

– Скучаете по дому?

Лийк улыбается, и Нелла замечает, что зубы у нее не идеально чистые. Этой женщине, явно ее испытывающей, надо ответить достойно.

– Нисколько, мадам ван Кампен. Я уехала оттуда три дня назад, а кажется, прошла целая вечность.

Лийк смеется, трогая подбородок кончиками пальцев, посверкивают камешки.

– И правильно. Амстердам – центр мироздания. А как вас нашла Марин?

– Что вы...

Ее вопрос обрывается новым взрывом смеха. У Лийк он похож на выдох, такое выпущенное из себя облачко пренебрежения. Разговора не получается, Лийк

просто посылает дротики и смотрит, как они вонзаются в жертву. В ее голосе постоянно слышится этакая забава, однако за показной уверенностью чувствуется что-то еще, что Нелла пока не может облечь в слова. Она с улыбкой смотрит в глаза сопернице, обнажив свои белоснежные юные зубы, от которых должно отскакивать ее внутреннее смятение.

Вокруг них нарастает какофония лязгающих приборов, летают запахи вареных цыплят и тушеных фруктов, то и дело долетает запахок очередной винной отрыжки, но Нелле благодаря магнетизму новой знакомой все это кажется таким далеким.

– Невеста Йохана Брандта, – Лийк мягко и вместе с тем настойчиво заставляет Неллу присесть с ней рядом на скамью. – Вот кому счастье привалило, сказали все. Никак не мог собраться, всё дела, дела. Марин должна быть довольна. А Йохан... он говорит о детях страшные вещи. Никогда не поймешь, чего от них ожидать. Мать красавица, а у нее на свет появляется уродина, воспитание дают хорошее, а вырастает оболтус, родители умные, а отпрыск дурак-дураком. – Лийк испытующе на нее глядит. – Но тут, конечно, важна наследственность, – продолжает она. – И Йохан это понимает. Вот что делает великой нашу республику.

Нелла ощущает прикосновение пальцев, упругих, гладких и на удивление сухих. Лийк берет серебряный кувшин и подливает ей вина. То, что Лийк называет Йохана по имени, кажется Нелле непочтительным. С минуту они сидят молча, наблюдая за процессом всеобщего поглощения еды и хмельных напитков, за тем, как проливается вино на белые камчатные скатерти, как поблескивают серебряные блюда в отблесках горящих свечей.

– Золотая Подкова, – говорит Лийк. – Для уроженки Ассенделфта это, наверно, такая же немыслимая даль, как Батавия. – Она убирает за ухо воображаемый волосок, и вновь посверкивают драгоценные камни. – Моя дочь Ариана очень счастлива в браке. – Она словно возражает Нелле. – Их любовный союз так похож на мой. Скоро у них будет ребенок. – Лийк самодовольно поглаживает свой кокон, будто плодовитость дочери и зятя – ее личная заслуга. Созвездие колец на пальцах сияет, точно радуга, создавая гипнотический эффект. – Конечно, это такая редкость, – произносит она заговорщическим тоном. – Такая же, каким будет и ваш брак. – Она на секунду умолкает. – Ганс меня балует, – признается она. – Йохан тоже будет вас баловать.

– Да.

Лийк театральным жестом подносит изящный пальчик к изгибу губ.

– Ганс хороший, – говорит она. Утверждение повисает в воздухе, неожиданность и словно бы вызов, с которым это прозвучало, исключают какой бы то ни было ответ. Нелла раздавлена. Для Амстердама это обычная беседа? Может, подобная откровенность считается здесь светской болтовней?

– Вы уже познакомились с негром? – спрашивает Лийк. – Это что-то особенное.

Почувствовав волнение в животе, Нелла делает глоток вина.

– Вы говорите об Отто?

Лийк кивает и легким жестом отмахивается от имени.

– Рабом в прямом значении этого слова его не назовешь. И Йохан был бы против, правда, одному богу известно, что об этом думает Марин. – Она наклоняется ближе. – У еще одних моих знакомых тоже такой есть. А у нашего казначея сразу три, в том числе и девушка, играющая на виоле! Видите, сейчас можно купить все на свете. Хочется понять, как негру наша жизнь. Не мне одной интересно. Привезти его в дом – в этом весь Йохан.

Она снова подносит палец к губам, и Нелла чувствует, что от закипавшей в ней холодной ярости осталась одна усталость. Скорей бы домой. Лийк с улыбкой изучает ее, словно колоду карт.

– А Марин Брандт, – говорит она напоследок, – как поживает мисс Марин Брандт?

– Лийк, – раздается голос, и та вскидывает глаза. Нелла спешит подняться, но стоящий перед ними мужчина жестом показывает, что она может сидеть. – Пожалуйста, – он решает заверить ее и на словах, что все эти телодвижения для женщины в платье из тяжелой тафты совершенно необязательны. Он моложе Йохана, и лицо не огрубевшее от ветров и солнца, а гладкое и ухоженное, как у призовой лошади. Нижняя челюсть такая большая, думает Нелла, что с нее

можно, как с тарелки, есть гребешки. А на его широченном плече она вполне могла бы свернуться клубочком. Мужчина держит в руке широкополую шляпу с такой просторной тульей, какой наверняка нет ни у кого в этом зале. Если он не будет ограничивать себя в еде, то рискует раздобреть. С учетом внушительных порций, которые здесь подают, перспектива весьма вероятная.

– Ганс, – представляет его Лийк, и на лице ее написано такое счастье, что на миг Нелле захотелось поменяться с ней местами, чтобы так же, как она, выделять слова, запросто обсуждать свою личную жизнь и делиться сплетнями. На мгновение эти двое – стоящий мужчина и сидящая рядом с ним женщина – кажутся ей идеальной парой. Не то что ее родители, да и муж куда-то сбежал. Но тут она замечает, с какой нетерпеливостью Лийк раз за разом переплетает на коленях свои проворные пальчики, вглядываясь в выражение лица супруга. «Чего она ждет? – спрашивает себя Нелла. – Что ей нужно от Ганса Меерманса?» Меж тем тот наклоняется над столом, чтобы взять до блеска начищенную ложку. На Неллу вдруг повеяло мокрой псиной и древесным дымком, перебившими аромат фруктовой помады для волос его жены.

– Вы серебряных дел мастер? – спрашивает Меерманс новую знакомую. Лийк усмехается, оценив шутку. Сегодня все вокруг только и делают, что скалят зубы. Нелла озадаченно молчит. – Есть ожерелье на продажу? – Меерманс проявляет настойчивость и, пожалуй, даже грубоватость, поощряемый очередным смешком жены, явно одобряющей его чувство юмора.

– Нет, – наконец отвечает Нелла, а он смеется и возвращает ложку на прежнее место. Ее удивил этот здоровый, искренний смех. Совместная картинка распалась. Нелла, глянув в пустой бокал, махнула им в угол комнаты, где еще недавно сидел ее супруг. – Мой муж Йохан Брандт, – говорит она, возвращая бокал.

– Да, – кивает он. – Я знаю. Мне надо поговорить с вашим мужем.

– Но... – Лийк насторожилась. – Надеюсь, не сегодня?

А Меерманс уже вертит головой, проверяя, нет ли Йохана поблизости.

– Лийк, мы должны обсудить с ним условия, – бормочет он в ответ, при этом сжимая поля шляпы, так же как она, Нелла, сжимала чашу с гребешками.

Лийк сжимает кулачки.

– Время ушло, Ганс, – говорит она. – Его сестра наверняка не увидит в этом смысла, а так как она привыкла вмешиваться в его...

– Сестра тут ни при чем, – обрывает он ее. И вздыхает, а Лийк, фыркнув, наливает себе новый бокал вина.

Нелла поднимается.

– Я должна найти мужа.

– Он сам придет, когда освободится, – говорит Лийк с оттенком строгости, так что даже непонятно, с кем Нелла имеет дело – с ней или с ее мужем. Меерманс откашливается и рассеянным движением проводит пятерней по мощным скулам. Нелла озирается. К своему облегчению, она видит Йохана в шляпе, он идет напрямик к ним. Хороший знак. Почувствовать облегчение при виде человека – это верный признак того, что ты на верном пути к храму любви. Значит, шансы полюбить мужа быстро возрастают.

Йохан берет ее за руку.

– Ну вот, – говорит он ей и выжидающе смотрит на Меерманса.

Лийк грациозно встает, чтобы тут же присесть в глубоком реверансе. Йохану это кажется забавным, и он в ответ отвешивает поклон.

– Лийк, – произносит он по-свойски и не сказать чтобы прохладным тоном, однако его улыбка кажется натужной.

– Господин, – отвечает она и смотрит на мужа. Меерманс, явно нервничая, утыкается взглядом в скатерть. Валяющиеся ножи и вилки сродни оружию, брошенному на поле боя.

– Приходите к нам поужинать, – говорит Ганс. – Заодно обсудим... у меня появились новые картины...

– А может, вы к нам? – спрашивает Йохан. Повисает пауза. – Вам нечего бояться, – добавляет он. Нелла уловила в его голосе шутку, но ни тот ни другой мужчина даже не улыбнулись.

У Лийк затрепетали ноздри.

– Ганс не боится, – бросает она. Нелла смотрит на Меерманса, ему явно не по себе, и на лице написано раздражение.

– Приходите посмотреть на сюрприз. – Хотя голос Йохана звучит почти угодливо, у Неллы закрадывается сомнение, что он действительно будет рад гостям. – Я приготовил жене сюрприз, – продолжает он, глядя на Неллу, которая тщится скрыть свое любопытство. – Посмотрите сюрприз, а заодно поговорим о твоих, Ганс, сахарных брильянтах. О твоём, Лийк, суринамском сокровище. Что скажете?

Меерманс кивает и с облегчением отводит глаза, а Лийк, продолжая сидеть, наблюдает за тем, как ее муж, как будто немного съезжившийся, решительно нахлобучивает шляпу, как бы отсекая тем самым все мысли.

– Он не боится, – повторяет Лийк. – Ни он, ни я. – Она с улыбкой протягивает руку новой знакомой. Пальцы у нее сделались влажными, как лапки у лягушки, а кольца на ощупь холодные. А когда сверху ложится еще и ладонь, драгоценные камни впиваются в Неллину руку.

– Скоро мы увидимся, – говорит Лийк. – В этом я не сомневаюсь.

Кабинет

На обратном пути Йохан лежит на затянутой шелком скамье, как тюлень на песке, он съел столько, что не в силах пошевелиться. После ухода Меерманса они пробыли в гильдии еще час, и все это время он места себе не находил. Взгляд рассеянный, весь в своих мыслях, а жены будто и нет. Сейчас он впал в забытие, а Нелле так хочется задать ему разные вопросы. Почему все беспрестанно улыбались, хотя производили впечатление довольно несчастных?

В животе, под кружевной нижней юбкой, у нее урчит от голода. Следовало, конечно, поест, но она почему-то была уверена, что стоит ей положить в рот хоть одну виноградинку, как все эти горы мяса и фруктов разом рухнут.

Из пищевода вдруг пополз вверх пузырек воздуха, но она успевает более или менее незаметно выпустить его через нос. Йохан, похоже, ничего не услышал. Он лежит на спине. Прикрытые веки и прижатый к груди подбородок выдают его возраст. Ему тридцать девять, но выдубленная солнцем кожа делает его старше. Она думает о его уходах в себя, о солнечных минутах, сменяющихся мрачной рассеянностью, о непринужденной болтливости, за которой следует понурость. Интересно, хочется ли ему выглядеть не таким старым? Рано или поздно он проснется, введет ее в дом... и тогда все случится? Она станет полноценной женой? О каком сюрпризе он толковал?

Она закрывает глаза и кладет руку на плоский живот. Все-таки интересно, седые волосы у него только на голове или по всему телу?

Она думает о Лийк ван Кампен, о ее беглом взгляде и подрагивающих пальчиках, о ее жемчужинах, посверкивающих в пламени свечей, о напoмаженных волосах с цветочным запахом и бокале с вином в ее руках. Нет, она и ее муж не производили впечатление старых друзей Йохана. Это не дружба, а что-то другое. Лийк выставляла напоказ свой брак как воплощение семейного счастья. Это такая редкость, сказала она. Такая же, каким будет и ваш брак.

В сгущающихся сумерках ее ноготки похожи на бледно-розовые морские ракушки. Она думает о том, что в ее родном городке, где всего одна площадь, люди по крайней мере ее выслушивали, и она ощущала себя живым человеком. А здесь она марионетка, пустой сосуд, который кто-то заполняет своими речами. И замуж она вышла не просто за мужчину, а за его мир, куда входят серебряных дел мастера, ее золовка и большой дом, где она чувствует себя потерянной. Вроде бы здесь ей столько всего предлагают, а такое ощущение, будто у нее что-то отняли.

Переступив порог, она поворачивается к мужу и набирает в легкие воздух, чтобы начать разговор, но Йохан уже общается с собакой. Их у него две, и эта серая сучка явно его любимица, гончая, вроде той, которую ее отец брал с собой на охоту. Кажется, это Резеки, а впрочем, она их не различает. Йохан проводит жесткой ладонью по голове, и сучка скалит зубы от удовольствия.

– Тебя покормили, золотце мое? – в его голосе слышатся нежность и любовь.

В ответ гончая колотит своим упругим хвостом по мраморным плиткам, и Йохан разражается довольным смехом.

– Я пойду спать, – говорит Нелла. Этот смех еще больше ее раздосадовал.

– Иди, иди. Ты наверняка устала.

– Нет, я не устала, Йохан.

Он разгибается, не отрывая глаз от своей любимицы.

– Мне надо записать свои разговоры с партнерами.

Он направляется в кабинет, и серая сучка следом.

– Она составит вам компанию? – спрашивает Нелла. А сама думает: три дня прошло, неужели и четвертый?

– Это моя помощница, – объясняет он. – Если я пытаюсь решить какую-то проблему напрямую, ничего не получается. Но стоит обратиться к ней, как ответ приходит сам собой.

– Полезная собака.

Йохан улыбается. Морщинистое лицо, как у персонажа из сказки.

– Точно.

А ведь он и правда старый. Ей не хочется его отпускать.

– Почему Отто живет с вами? – спрашивает она. Голос холодный, пронзительный. Простой вопрос прозвучал как вызов. Она чувствует, как кровь прилила к щекам.

– А что такое? Тебя это беспокоит?

– Да нет. Я... он мне нравится.

Йохан встречается с ней взглядом.

– Это первый слуга в моем доме, – поясняет он. – Первый и последний. – Он снова направляется в кабинет.

– Это Резеки или Дхана? – спрашивает Нелла. «Не уходи! – Ее охватывает паника. – Если ты сейчас уйдешь, я сделаюсь невидимкой, прямо здесь, в прихожей, и меня уже никто не отыщет». Она показывает на собаку, послушно усевшуюся рядом с хозяином. Йохан удивленно поднимает брови. Он ласково треплет животное по холке.

– Ты обратила на них внимание. Это Резеки. У Дханы на животе пятно.

– У них необычные имена.

– Только не для Суматры, где они родились.

Если Йохан старый, то она чувствует себя молодой и глупой.

– А что означает ее кличка? – вопрос посылается ему в затылок. Она делает за ним шаг, второй, третий. Почувствовав это, он останавливается, перед ней его широченная, разрастающаяся по мере ее приближения спина и опущенные плечи.

– Ее кличка означает «фортунa».

– Йохан.

Он медленно закрывает дверь у нее перед носом, и Нелла остается стоять в прихожей. Ни одна свеча не горит, и лунный свет не проникает в высокие окна, так что ее окружает почти кромешная тьма. Она вглядывается во мрак, ощущая лицом сквознячок, и по спине пробегают мурашки. Ей кажется, что где-то открылась другая дверь и там кто-то застыл в ожидании. Она стискивает пальцы... вот сейчас растает плоть, и обнажатся косточки, а потом они испарятся.

– Кто здесь? – спрашивает она.

Нет ответа.

Из глубины кухни вдруг долетают слабые звуки: бормоток, лязг кастрюли, скрип моющейся тарелки, звон шумовки. Страх чужого присутствия слегка отступает, далекие голоса действуют успокаивающе. Это, видимо, Корнелия и Марин. А где Отто? В этом доме она теряет ощущение пропорций и, словно желая придать себе уверенности, дотрагивается до деревянной двери кабинета. Что-то скользнуло по краю ее платья. От неожиданности она дважды ударяет кулачком в дверь.

– Впустите меня!

– Марин, уходи.

– Это Нелла. Пожалуйста.

Молчание. Его сдержанность ей непонятна. Разве она не молода, по библейским понятиям? Пока она ждет и молится, чтобы призрак к ней не приближался, на память приходят слова матери: «Есть женщины, Нелла, которых мужья не оставляют в покое. Рожают одного за другим, пока не превратятся в бесформенный мешок, о самой родилке и не говорю». Мать произносила эти слова, держась за корсет, словно успокаивая собственное тело, затянутое тесемками, спрятанное от посторонних глаз, наконец отдыхающее от трудов праведных.

– Йохан!

Сколько женщин умерли родами. Все Неллины тетки. В их церкви что ни день, то похороны, а гробики не больше футляра для скрипки. В Ассенделфте это обычное дело: сегодня ты девушка, завтра домохозяйка, а послезавтра покойница. Вот и ее мать похоронила двух детишек, а пока растила ее и Арабеллу с Карелом, трижды чуть не отдала богу душу.

– Я вас не боюсь, – говорит она громко, снова испытав приступ паники. – Не боюсь.

Дверь открывается. Он смотрит на нее, обдумывая решение.

– А чего меня бояться, – говорит он. Мягкий свет в кабинете словно манит войти. У Неллы на глаза наворачиваются слезы.

Она поражена тем, насколько эта комната уютнее всех остальных в доме. Здесь возникает ощущение твердой цели, пространство осознает собственную важность. Комната служит продолжением мыслей хозяина, и Нелле кажется, что за три дня она еще ни разу не была с Йоханом так близка.

Она переступает порог, отбрасывая все страхи. Подобное поведение ей не свойственно, отсюда и некоторое беспокойство. Она старается сосредоточиться на обстановке.

Остро пахнет бумагой. А вот и Резеки – задрала морду, уставилась своими черными глазищами. Комната небольшая. Крепящаяся к стене деревянная столешница завалена бумагами. При том количестве сделок, которые Йохан заключает, этот стол, вероятно, всегда имеет такой вид. Низкий потолок от свечной копоти весь в черных отметинах.

Полки вдоль двух стен заставлены коробками с отчетами. Две другие стены завешаны географическими картами – их здесь столько, что Марин могла бы позавидовать. Нелла разглядывает очертания Виргинии и обеих Америк, Тихий океан, Молуккские острова и Японию. Каждая карта испещрена тонкими линиями, которые расходятся во всех направлениях, пересекаются, покрывают ромбиками страны и моря. Это карты продуманных действий, а не причудливых фантазий.

Щеки у Йохана в красных пятнах. Нелла опускает взгляд. Пол заставлен коробками, завален бумажными листками с текстами на латыни, итальянском, голландском и французском, так что виньетки на турецком ковре почти неразличимы. Среди ворсинок всюду видны красные крошки от восковых печатей. Единственной уступкой естественному освещению является высокое окно, однако ночь не способна высветить золотую чернильницу и увеличительные стекла для чтения географических карт. Они лишь угадываются в отблесках свечи. Под окном – огромный сундук темного дерева с висячим замком.

Пошел дождь. Они оба слышат этот знакомый, тихий и ритмичный, перебор по стеклу.

Подняв глаза, она убеждается, что он держит себя в руках и холодно ее разглядывает – верх разумности и самоограничения. Казалось бы, в его облике должно быть что-то волчье – мощные лапищи, не говоря уже об осознании собственной значимости в этом огромном доме. Но ничего подобного. Скорее он похож сейчас на зоркого сыча. Ей даже приятно, что он на нее так смотрит, не то что въедливый взор Марин, от которого ее бросает в жар и охватывает чесотка.

– Я в вашем распоряжении. – Пальцами без колец она ласково проводит по его руке, ощутивой сквозь ткань рубашки, в подражание грациозным движениям Лийк ван Кампен. Он не реагирует, а она не спешит убрать руку. Это выглядит так, будто ребенок тянет взрослого за рукав. Он застыл, может, ничего и не заметил.

– Да? – Он отворачивается к столешнице.

Ее рука – рука женщины, рука жены – скользит вниз к его бедру. Так она еще никогда не трогала мужчину. Сквозь толстую шерстяную ткань брючины ощущается мускулистая твердость и удаленность этого бедра.

– В вас есть что-то загадочное.

Ей не следовало этого говорить. Он встает с табурета, и ее рука безвольно падает вниз. Рядом с этой громадиной чувство обездоленности передается от кончиков отвергнутых пальцев всему телу.

– Что? – насторожился он. – Что тебе про меня рассказали?

Смысл вопроса ей непонятен. На его лице написан испуг, а ей остается только поднести пальцы ко рту, словно она хочет стереть с губ последние слова вместе с памятью о прикосновении.

– Ничего, – говорит она. – Я... я просто хотела...

– Иди ко мне. – К удивлению Неллы, его ладони грубовато, навязчиво и неумело начинают гладить ее по волосам, притом что в его серых влажных глазах ей чудится бешенство.

– Я прошу прощения, – говорит она, хотя и не понимает, за что ей следует извиняться.

Нагнувшись и заграбастав ее узкие руки пятернями мясника, он целует ее в губы. Сам порыв и пугающий запах вина и крабов заставили бы ее отшатнуться, но, сделав над собой усилие, она выдерживает это бесстрастное объятие. Она даже размыкает губы, но лишь для того, чтобы ослабить давление на них. Он цепко держит ее, и тут она решается, пока еще остался порох в пороховнице, взять его правой рукой за передок. Интересно, что ее там ждет? Если это и есть то самое, что приходится делать каждой женщине, то частая практика только поспособствует удовольствию.

А вот и оно... загадочная выпуклость... что-то вроде овоща, то ли свеклы, то ли маленькой морковки. Мать ей обещала толстый сук, а тут скорее свернувшийся червяк...

Под ее пальцами словно разжалась скрытая пружина, и в тот же миг Йохан разжимает объятия, отпускает ее, а сам отшатывается к краю столешницы.

– Нелла! Боже милостивый.

– Мой госпо...

– Уходи, – приказывает он. – Прочь.

На ватных ногах под короткое предостерегающее рявканье Резеки она идет к выходу, и Йохан запирает за ней дверь на ключ. Несмотря на толстую дубовую дверь и вернувшийся страх от пребывания в темной прихожей, она уверена: то, что она сейчас слышит, – это мужской плач.

Она прокрадывается в свою комнату наверху и разворачивает эти ужасные картины лицом к стене. Все до единой.

Сюрприз

Поздним утром на следующий день в дверной проем просунулась голова Корнелии.

– Хорошо бы вам спуститься вниз, – говорит она.

Служанка то ли возбуждена, то ли взволнована – полусонная Нелла пока не в силах разобраться. Корнелия таращится на изнанку холстов.

– А почему они перевернуты?

– Это не я.

Корнелия ждет продолжения.

– Это не я, – повторяет Нелла.

– А кто же?

– Я их не выбирала, Корнелия. И не просила их тут развешивать.

После секундного колебания Корнелия подходит к ближайшей картине и возвращает ее в нормальное положение. Гниющий гранат, покрытый гусеницами. Корнелию передергивает.

– К этой жизни можно привыкнуть, Нелла. Надо только захотеть.

– Ненавижу эти картины. Почему я должна на них смотреть?

Корнелия разглядывает сюжеты: ваза с прорастающими цветами, распластавшаяся устрица на темно-синем фоне. Нелла за ней наблюдает, пытаясь угадать, нет ли здесь ее союзников. Откинувшись на изголовье, она тупо смотрит на деревянную изнанку картин, повернутых к стене.

– Я думаю, это Марин вам их подкинула, – говорит Корнелия с улыбкой.

Полунамек, интимная улыбочка – крошки с барского стола. К удивлению Неллы, Корнелия подходит и садится рядом на постели. Она с гримасой скидывает паттены и вытягивает свои маленькие задубевшие подошвы.

– Можете не верить, но чертовски устают ноги. Как у покойницы.

Она начинает их растирать. Нелла глядит на ее заштопанные, свалявшиеся хлопковые чулки с аккуратными стежками крест-накрест. Корнелия разболталась и, забыв о своем статусе, явно не собирается вставать с кровати – слишком уж велико удовольствие от растирания ног. Раскованность, с какой служанка этим занимается у нее перед носом, заставляет ее вспомнить о ночном унижении. Вчера все словно сговорились сделать из нее отверженную – серебряных дел мастера, участники застолья, Лийк и Ганс Меермансы, ее супруг, его гончая, кажется, сами эти стены. Вспомнив приглушенные всхлипы Йохана за дверью и «морковку» в штанах, она зажимает рот ладонью... морковка, тихо сидящая в земле и не желающая, чтобы ее выдернули из уютного гнездышка. Она запрокидывает голову, а по телу пробегают мурашки. Открыв глаза, она встречается с подозрительным взглядом. Корнелия надевает паттены и идет к дверям.

– Пять посыльных доставили подарок для вас, – говорит служанка. – Он стоит в прихожей. В жизни не видела ничего подобного.

Снизу долетает мальчишеский смех Йохана, и Нелла содрогается при мысли, что рано или поздно встречи с ним не избежать, но Корнелия заразила ее своим настроением, и природное любопытство в конце концов берет верх. Она накидывает домашний халат, в ужасе разглядывая картину, на которой

изображены охотничьи трофеи – птицы с окровавленными перьями и свисающими клювами, похожими на ящериц. «Сегодня, – думает она, – я перенесу клетку с Пибо в свою спальню». Она вспоминает пугающий мрак перед кабинетом и холодный сквознячок, пробежавший по подолу платья. Нет, движение ног тут ни при чем. Уж свои-то ноги она знает, и они куда изящнее, чем у Корнелии.

Замолчи, Нелла Элизабет, приказывает она себе. Замолчи.

Она вышла из комнаты, как раз когда Марин обнаружила сюрприз для новобрачной.

– Йохан, – доносится до Неллы ее голос. – Это что еще за вздор?

Нелла тихо подходит к перилам. То, что она видит посреди прихожей, заставляет ее прикрыть рот, чтобы не вскрикнуть. Огромный открытый шкаф стоит явно не на своем месте в отличие от стульев, аккуратно расставленных вдоль стен. Йохан стоит сбоку, положив руку на деревянную панель. Кажется, он в хорошем настроении, улыбка до ушей. Выглядит он посвежевшим и даже красивым, каким она его никогда не видела. Ему приходится запрокинуть голову, чтобы окинуть взором этого мощного фигуристого колосса под два с половиной метра.

Марин боязливо приближается, словно опасаясь, что шкаф может на нее упасть или вдруг двинется ей навстречу. Резеки попятилась от загадочного существа, издавая утробное рычание.

– Это шутка? – спрашивает Марин. – Во сколько она тебе обошлась?

– Хоть раз в жизни, сестра, давай не будем о деньгах, – говорит Йохан. – Ты сама попросила меня подыскать...

– Я сказала «что-нибудь забавное», а не...

Он поднимает руку, и Марин замолкает. Она смотрит, как Нелла спускается по лестнице.

– Это тебе, – говорит Йохан. – Подарок.

Не в силах встретиться глазами с мужем, Нелла смотрит на Марин, безупречную в своем длинном черном платье. Она успевает подумать, что под этим платьем у нее мех, но Йохан, погладив боковину шкапа, возвращает ее к реальности:

– Свадебный подарок. Из дуба и вяза, а фанера с инкрустациями из черепахового панциря и оловянного сплава.

Нелла все-таки переводит на него взгляд и в ответ получает сдержанную улыбку.

– Вяз – штука прочная, – поясняет он и, посмотрев на сестру, добавляет: – Не зря его используют для гробов.

А вот у Марин губы плотно поджаты.

– Теперь ты у нас столяр? – спрашивает она риторически.

– Что скажешь, Нелла?

– Зачем, Йохан? – спрашивает Марин. – На что ей этот монстр?

– Для образования, – следует ответ. Он протягивает руку к собаке, но та отпрядывает от хозяина. – Что с ней? – недоумевает он. – Тихо, девочка. Успокойся.

– Ей не нравится эта штуковина, – поясняет Корнелия, спустившаяся вслед за Неллой. В руках у нее швабра.

Марин поднимает глаза на брата.

– А что она будет делать с этим образованием?

– Оно очень ей пригодится.

– Что это? – спрашивает Нелла. – Я не понимаю.

Все с удивлением к ней оборачиваются.

– Не понимаете? – Корнелия подходит ближе. Резеки все еще рычит, делая круги вокруг шкапа. – Это же модель нашего дома в миниатюре. Здесь будет попроще прибраться. – Она встает на цыпочки и заглядывает внутрь.

– Во сколько он тебе обошелся? – спрашивает Марин.

– Сама конструкция – две тысячи.

Марин резко разворачивается.

– Две тысячи гульденов? Две тысячи? На эти деньги, если ими правильно распорядиться, можно спокойно прожить несколько лет.

– Марин, ты в один год проживаешь больше двух тысяч, так что не смей меня.

– После твоих слов о выручке, перекочевавшей в чужой кошелек...

– Есть сделка с Меермансом, что еще нужно? Так что уgomонись. Раз в жизни – уgomонись.

Марин с неудовольствием отходит, как и Корнелия. Из кухни появляется Отто и, подойдя к новинке, с любопытством ее разглядывает. Собака не перестает рычать.

– Ну что такое, моя девочка? – Йохан склоняется над гончей. – Чем ты недовольна? Ты час назад поела.

Резеки жалобно тявкает, отползая на брюхе от деревянной громадины. Нелла же, напротив, подходит ближе. Перед ней пустой дом из девяти комнат – такой высокий, что ее макушка достает только до среднего этажа. Странное зрелище: как будто разрезали человека и выставили напоказ внутренние органы. Стены обшиты тисненной золотом кожей или деревянными панелями, как и в настоящем доме. Потолки покрашены так, что это создает иллюзию глубины,

такой обман зрения. Разглядывая их, она вспоминает разговор с Отто на кухне. Как он сказал, показывая вверх на фантастический купол: «Это трюкачество от влажности когда-нибудь обвалится вместе со штукатуркой».

Она трогает каркас – обшивка из панциря черепахи вызывает в памяти осень в Ассенделфте: застывшие на лету оранжево-коричневые краски, брат Карел, крутящий ее вокруг себя в саду под деревьями. Какая искусная работа! Прожилки из оловянного сплава опутывают внешние стенки и даже ножки шкапа. От дерева и черепахового панциря веет необычной силой... а может, она заключена в пустых комнатах, застывших в ожидании. В обнадеживающем прикосновении природных материалов ощущается магия талисмана.

Она ловит на себе взгляд супруга, и тут ей в голову закрадывается удручающая мыслишка, и сердце сразу падает. Какой мужчина станет дарить жене дом с пустыми комнатами – при всем великолепии отделки? Да, конечно, дерево и металл особенные, сами по себе они хороши, но она вспоминает Лийк, ее кольца и жемчужные сережки и задается вопросом, действительно ли этот кукольный дом – а как его еще назвать? – подходящий подарок для молодой женщины? Ей ведь уже не двенадцать лет, чтобы развлекаться такими игрушками. В Ассенделфте богатым девочкам дарили кукольные домики. Если бы ее отец не пропил все деньги, возможно, она тоже получила бы такой практичный подарок, помогающий научиться обращению с кладовкой и постельным бельем, с домашней утварью и слугами. Но ведь теперь у нее, восемнадцатилетней, есть собственный дом, настоящий, не так ли? И у нее нет нужды в макете, пусть даже инкрустированном черепаховым панцирем.

Она улыбается.

– Надо же, пол точно как в прихожей, – говорит она с легким равнодушием, показывая на большие квадраты у себя под ногами, а затем тыча пальчиком в миниатюрные квадратики.

– Итальянский мрамор, – подтверждает Йохан. – Черный и белый.

– Мне не нравится, – ворчит Марин. – И Резеки тоже.

– У сучки плохой вкус, – огрызается Йохан.

Покраснев как рак, Марин убегает вверх. Слуги провожают ее взглядами, лица их ничего не выражают, но мимо внимания Неллы не прошли их округлившиеся глаза, и закушенная нижняя губа Корнелии, и сжатая в кулак левая рука Отто. Она гордится своей наблюдательностью, хотя пока не способна правильно истолковать эти знаки. Хамский выпад Йохана повис в воздухе, и Нелла опускает глаза в пол. Ее супруг взъерошивает шевелюру и вздыхает.

– Мода такая, – говорит он. – Такая мода. Я об этом узнал в гильдии плотников. В городе все заказывают такие домики. Я и подумал: «Хороший сюрприз».

– Муж мой... Йохан... и что мне с ним теперь делать?

Он смотрит на нее пустым взглядом.

– Не знаю. Наверняка что-нибудь придумаешь.

Наверху хлопнула дверь. Йохан вздыхает. Он открывает входную дверь, и слабые дневные лучи высвечивают мраморную плитку, а через мгновение дверь за ним закрывается. Нелла, развернувшись, видит устремленные на нее взгляды. Отто и Корнелия спускаются по лестнице и уходят в кухню, в эту святая святых, где вместо слов нож режет овощи, тряпка полирует предметы, а швабра драит пол. Оставшись одна, она снова поворачивается к странному сооружению. «Не прошло и четырех дней, как он уже переселил меня в кукольный домик», – мрачно подытоживает она. В дальнем углу поскуливает Резеки, неуверенно поглядывая на эту громадину. Дерево, черепаховый панцирь да оловянный сплав – было бы из-за чего переживать!

– Не бойся, – говорит она гончей. – Это всего лишь игрушка. – Еще раз окинув взглядом все девять голых комнат, она проводит трепетной рукой по гладкой поверхности, холодной, как полированный камень. Почувствовав озноб, она спешит уйти. Снизу, из кухни, долетают голоса. Интересно, о чем они там толкуют? Говорит в основном Корнелия, резко и настойчиво, а Отто лишь вставляет тихие возражения. Но все это непринужденно, в привычном ключе, и Нелле остается только гадать, как давно они знают друг друга. Ей хочется подойти поближе и послушать, но поведение собаки так действует ей на нервы, что вместо этого она прокрадывается вверх, отчаянно надеясь хоть чем-то себя занять.

* * *

Марин в салоне читает книжку с таким лицом, словно чего-то ждет. При виде Неллы она прикрывает глаза.

– Мы можем разжечь камин? – спрашивает вошедшая. Есть в Марин что-то такое, что постоянно толкает к ней Неллу, несмотря на то что это рискованно.

Марин открывает глаза и устремляет взгляд в окно.

– Нет. – Потом со вздохом соглашается: – Хорошо.

– Как насчет триктрака? – спрашивает Нелла.

Предложение сыграть в старинную игру, где тактика и стратегия вступают в борьбу со случайностью, заставляет Марин отвернуться от окна.

– У тебя есть доска?

– Я привезла из дома. В сундуке.

Марин поднимает обе руки, как бы сдаваясь, и следующие два часа они стучат по дереву костяшками из слоновой кости возле уютного камелька, разожженного молчаливым Отто.

– А чем именно занимается Йохан во время своих путешествий? – спрашивает Нелла.

Марин взвешивает на ладони костяшку, изучая позицию на доске.

– Покупает. Продает. И снова покупает.

– Это, наверно, сложно.

– Вовсе нет. Находишь рынок, устанавливаешь цены и шаг за шагом строишь бизнес.

– Марин?

Та поднимает глаза. Нелла впервые назвала ее по имени. До сих пор она его избегала, так же как Марин избегала называть ее Неллой. Не такие между ними короткие отношения. Обеим становится не по себе, но на этот раз деваться некуда, слишком уж важен вопрос, который она собирается задать.

– Да? – Марин вскидывает руку, готовая обороняться, и, не найдя способа защиты, с досадой опускает. – Ты задаешь слишком много вопросов, Петронелла.

– Просто...

Марин встает.

– Закончим игру. У меня глаза устали.

– Что, всегда так и будет? – По голосу Неллы можно понять, как она несчастна.

Вопрос повис в воздухе, словно гнилой фрукт, к которому страшно притронуться, и Марин, готовая покраснеть, застывает с озабоченным видом. Кажется, что физическая боль распространилась в атмосфере.

– Ты о чем?

Нелла подыскивает слова, но ничего не получается.

– Где Йохан работает? – задает она совсем другой вопрос и видит, как у Марин, продолжающей глядеть в окно, напряглась спина.

– На Старой Хоогстраат, – в конце концов выдавливает та.

– И чем он там занимается, Марин?

Вздых.

– Почем я знаю, Петронелла.

– Конечно, знаете. Нисколько не сомневаюсь.

– Превращает грязь в золото, а воду в гульденy. Какого ответа ты от меня ждешь? Набирает команду и отправляет торговое судно в плавание. Вот все, что я знаю. Передай-ка жаровню, а то у меня ступни как ледышки.

Нелла пододвигает к ней одну из жаровен, на которую Марин водружает одну ногу. Она берет со стола грoссбух и погружается в свои записи. Нелла наблюдает за ней. Вот кто скрупулезно ведет счета, для нее цифры подобны музыкальным нотам, а из столбцов, отражающих расходы на хозяйство, кажется, льется неслышная музыка.

Нелла недоумевает, почему Марин настойчиво твердит, что ничего не знает, когда речь заходит о деятельности Йохана в Ост-Индской компании. Она вспоминает свой первый завтрак в этом доме, когда Марин демонстрировала осведомленность в отношении грузов и набора матросов.

– Я хочу посмотреть, где он работает, – говорит Нелла. – Загляну к нему в гости.

Не отрываясь от цифр, Марин вставляет перо в книжный переплет.

– Не стоит, – произносит она после паузы.

– Почему?

Марин свободной рукой разглаживает складки на юбке.

– Он очень занят.

Нелла заглядывает в грoссбух через плечо сидящей. Жирная клякса упала на тетрадь, и уже не прочесть, во что ей обошлись за месяц лучшие марципаны.

– У него сколько разных дел, сама подумай, – продолжает Марин. – Мать наверняка предупреждала, что тебя ждет. Ты вышла замуж не за местного нотариуса.

Нелла на секунду задумывается. Мать не рисовала никаких таких картин.

– Но ведь Йохан...

– Петронелла, – резко обрывают ее. – Он занятой человек. Тебе надо было выйти замуж – теперь терпи.

– А вам почему не надо? Вы ж не замужем.

Марин играет желваками, а Нелла тихо ликует.

– У меня и так есть все, чего можно себе пожелать.

Нелла подходит к огню, сгоревшие полешки, не выдержав жара, с шипеньем разваливаются. Марин закрывает grossbux и, подойдя к окну, кладет руку на стекло.

– Скорее всего, его там нет.

– Кого? – спрашивает Нелла.

Марин качает головой.

– Йохана. Он где-нибудь в другом месте. И вообще, жены не должны беспокоить своих мужей.

Она подносит руку к лицу, прежде чем выйти из комнаты. Нелла с досады пинает ножку стула. Ее так и подмывает перевернуть доску с черными и белыми костяшками, чтобы они попадали к ее ногам, как деньги неведомой страны.

Селедка

Ранний вечер того же дня. Кукольный дом все еще стоит в передней, а Нелла, Йохан и Марин сидят в полутемной столовой за скудной трапезой – подчеркнутый жест смирения со стороны хозяйки. Корнелия ставит на камчатную скатерть тарелки с засохшим хлебом и худосочной рыбкой, бормоча при этом: «Чем меньше, тем лучше». Grimаса согласия на лице Йохана. Марин, чувствуя себя неловко от жизни в роскоши, не прочь продемонстрировать тягу к лишениям. Больше того, она всячески настаивает на этом ритуале.

Служанка уходит, а Йохан накалывает на вилку одну рыбку.

– В последние дни ты много трудишься, Йохан, – говорит Марин, откидываясь на спинку стула. – Собрался в очередное плавание?

В тишине слышно, как он работает челюстями. Он поднимает на нее глаза, держа за щекой непроглоченную рыбу.

– Пока не знаю.

– А когда доставят из Суринама партию сахара? – спрашивает она.

Йохан меряет сестру тяжелым взглядом.

– Тебя это не касается.

Марин кладет руки на колени и сопит, разглядывая атлас над его головой.

– Брат, я вот о чем думаю, – говорит она. – Почему бы тебе не привести его сюда и не подписать договор?

Он удивленно на нее смотрит.

– Кого привести?

– Ганса Меерманса. Тебе достанется его сахар.

– Но ведь...

– Число кондитерских все время растет. И дешевых гостиниц, где останавливаются сладкоежки. Мне-то, конечно, этого не надо.

Йохан не в силах скрыть удивления, но Марин делает вид, что ничего не замечает.

– Его сахар доставят только через месяц, – говорит он.

– Наверняка быстрее, – возражает она. Он хмыкает в ответ, таращась на нее с возрастающим изумлением, но ее этим не проймешь. Она лишь еще больше откровенничает: – Сегодня Корнелия покупала на причале рыбу. Йохан молча ждет продолжения, и Марин произносит: – Скоро троих утопят.

– Вот как. – Ее брат хмурится, опустив глаза в тарелку с селедкой. Наверняка сейчас он предпочел бы сочного краба, думает Нелла.

– Повесят им камень на шею, – продолжает Марин, – засунут в мешок и бросят в воду.

Йохан демонстративно роняет приборы. Нож сверкает в отблесках свечей, не зря Отто так долго его полировал.

– Вот как? – Глаза его горят. – Ну-ка, Марин, расскажи нам, за что суд собирается их утопить.

Она не выдерживает его взгляда.

– Один торговал рыбой на пристани, – говорит она. – Что там натворили другие, я не помню.

Повисает молчание. К сухой корке никто не притронулся. Душа и кошелек, думает про себя Нелла. Они помешаны на двух вещах. А о смерти говорят как о чем-то будничном. Ей доводилось видеть опухшие перевернутые туши коров и овец, погибших от чумы, отравленное растение, но раздувшийся в воде труп –

никогда. Уставившись в тарелку, она проглатывает комок страха.

Йохан принес судовой журнал и сейчас по-детски прикрывается им как щитом, чтобы сестра не видела его лица, вдыхая запахи просоленных, потрепанных ветром страниц. В них вписаны истории закупленной провизии и пройденных миль, реестры, акции, наказания. Нелла же думает об этих страницах как о кладезе приключений, всегда запертых на замок и потому ей недоступных. Йохан со вздохом кладет фолиант на стол, и взгляд Неллы делается еще пристальнее.

– Почему сейчас, Марин? Почему ты вдруг вспомнила о сахаре?

Но та молчит.

Нелле бросается в глаза, как быстро ее супруга окутывают покрывала печали, все равно что кафтан, в который он снова кутается. В нем как будто что-то надломилось. Этот разговор, уже не первый, просочился сквозь кожу и теперь вгрызается в его кости. Странно, что Марин вдруг отказывается обсуждать с ним тему сахара – «сладкое помешательство», как она его называет.

– Пусть тогда сюда приходят, – говорит Йохан.

– Мог бы и сам к ним сходить, – возражает Марин, опустив глаза долу.

– Очень я ему нужен.

Сестра молчит.

– Марин, – Йохан уже откровенно срывается, – почему ты суешь нос в мои дела? Чего тебе не хватает?

Она берет вилку.

– Не хватает? – Глаза у нее сверкают.

Йохан, глядя на нее, выдерживает паузу.

– Занялась бы тем, чем занимаются богатые женщины, – говорит он.

Марин фыркает, а брат продолжает:

– Возглавляют разные комитеты, жируют, ходят по магазинам, купаются в деньгах, притворяясь, что не умеют плавать... а ты вместо всего этого ешь как мышка, не позволяешь себе ничего лишнего, словно монахиня, неходишь ни в какие комитеты, не занимаешься благотворительностью, не ходишь в гости к друзьям, потому что у тебя их нет. И только даешь советы, что мне делать. Почему?

Она сжимает вилку, точно маленький трезубец, ноздри трепещут, челюсти сжаты.

– Ответь на это сам, Йохан, – выдавливают она из себя.

Молчание.

– Эти чертовы ужины из одной селедки! – Его слова падают на середину стола и какое-то время там лежат без ответа.

– Душа страдает от полного желудка, – изрекает Марин. – Она страдает, Йохан...

– По-моему, никому из сидящих за этим столом полный желудок не грозит.

Его слова, сказанные жестко, словно застревают в воздухе. Нелла с тоской смотрит на свою селедку в масле. А взгляд Марин снова устремлен на настенный атлас, где изображена Новая Голландия. Она нарочно роняет вилку на оловянную тарелку, как будто в расчете на то, что громкий лязг заткнет рот ее брату. Последующие слова обращены к далекой стране, к чужому континенту, к морям и звездам.

– Почему ты не можешь оставить это в покое, Йохан? – спрашивает она.

– А ты почему не можешь?

Они сверлят друг друга взглядами, забыв про Неллу. Атмосфера в комнате превращается в корку, которую хочется взять в руки.

Скудная трапеза подходит к концу, и Йохан, обычно после ужина уединяющийся в кабинете, объявляет, что идет спать. Нелла смотрит на четырехдневную сухую корку. У нее от голода сосет под ложечкой.

Нелла пытается уснуть, но ее беспокоит долетающий шепот. Она садится на кровати и напрягает слух. Затем встает, медленно приоткрывает дверь. В коридоре ледяной холод. Из прихожей явственно доносятся два голоса, словно провеивающие слова, будучи бессильны удержать их от заполнения великого безмолвия, в которое погружен дом. Настойчивые голоса смолкают, вновь оживают, опять смолкают, и характер разговора ей непонятен. Так продолжается несколько минут, после чего раздаются легкие шаги, и закрывается дверь – сначала одна, затем другая.

Она шире распахивает дверь и выходит в коридор. Прижимается лбом к балюстраде, но все, что она видит внизу, – это кукольный дом и слабые лучи лунного света, освещающие его сквозь высокие окна. Никакого перешептывания, только странное царапание, от которого у нее мурашки пробегают по телу. Кажется, все спят. А те, кому принадлежали голоса, удалились сквозь стены. Только шкаф основательно стоит посреди прихожей в перекрестье бегающих теней. А вот и Резеки, распластанная на мраморном полу, – не то лужа воды, не то закатившаяся огромная шахматная фигура, совершенно здесь неуместная.

Лилия и гвоздика

Наутро Марин вместе с Корнелией отправляются на Вийезельштраат искать доставивших шкаф грузчиков, чтобы те унесли его с глаз долой.

– Не нужна мне эта штукавина в передней, – сказала она за завтраком, подбирая слова и протягивая руку за булочкой.

Нелла с облегчением вздыхает. Его перенесут в гостиную и поставят в угол, и она сможет о нем забыть и сосредоточиться на главной задаче: как себя вести жене купца. «Образование, скажет тоже. Мне восемнадцать лет, и я приехала сюда ради удовольствия, а не для того, чтобы брать уроки». Откровенная неприязнь, с какой Марин отнеслась к подарку, кажется удивительной. Похоже, она приняла это как вызов себе, но не ее дело оскорбляться по поводу чужого подарка или выражать неудовольствие его высокой ценой.

– Где ты его раздобыл? – спрашивает Марин брата за завтраком. Нелла же старательно избегает подобных вопросов, не желая показаться излишне любопытной. Йохан пожимает плечами.

– Человек на верфи сказал, что один плотник разорился и остались нераспроданные предметы.

– Человек на верфи? – эхом откликается Марин. Йохан кивает. Он снова выглядит усталым, словно осознав, что его дар привел к обратному результату. Нелла не без досады обнаруживает в себе чувство жалости с примесью вины. За тринадцать лет совместной жизни отец не подарил ей даже пустячной вещицы, не говоря уже о произведении искусства стоимостью в две тысячи гульденов.

Первой после завтрака уходит по делам Марин, а вслед за ней и Йохан, который хочет проверить, пришел ли товар с Молуккских островов. Сестра вроде бы одобряет его планы, да и собака радостно лает, предвкушая, как утащит у чаек часть их добычи. Отто, не пожелавший составить Йохану компанию, возится в квадратном садике за домом, подрезая живую изгородь и обрабатывая землю до зимних холодов.

Вот подходящий момент, думает Нелла. Забрать из кухни Пибо, и пусть немного полетает. Но грех не воспользоваться представившимся ей шансом. А Пибо подождет.

* * *

Едва Нелла переступает порог комнатки Марин, как в нос ударяют запахи. Превалирует сандаловое дерево, но тут тебе и мускатный орех, и гвоздика, и острый красный перец. Этими запахами пропитались стены, пол, потолочные

балки. Кажется невероятным, что такая комнатка больше напоминает склад пряностей.

Хотя размерами комнатка напоминает келью монашки, ее содержимого хватило бы на целый монастырь. Стоя на пороге, Нелла выпучила глаза. С потолка свисает сброшенная кожа огромной змеи, на ощупь напоминающая бумагу. Ее пальцы натыкаются на перья экзотических птиц самых разных форм и расцветок. Она невольно ищет взглядом зеленое перышко и, не найдя, с облегчением вздыхает. К стене булавкой прикреплена бабочка размером больше человеческой ладони, а ее небесно-голубые крылышки в черных завитках.

Нелла продвигается дальше. Здесь должно быть тесно неугомонной Марин, и остается только удивляться, как легко она променяла свою старую комнату на эту. На стене большая карта Африки с множеством белых пятен. В середине западного побережья красным кружком обведена точка под названием Порто-Ново. Рядом аккуратной рукой Марин написаны вопросы. О погоде? О еде? О боге? На карте Ост-Индии кружками и стрелочками отмечены редкие экземпляры флоры и фауны. Молуккские острова 1676, Батавия 1679, Ява 1682 – такие путешествия сама Марин никогда бы не совершила.

Простые деревянные полки уставлены пожелтевшими черепами живых существ, о которых Нелла слыхом не слыхивала – длинные челюсти, острые зубы. Панцири жуков, сияющие, как кофейные зерна, то переливаются всеми цветами радуги, то отливают красным по черному в дрожащем пламени свечей. Перевернутый панцирь черепахи после ее прикосновения начинает тихо покачиваться. Высохшие растения и ягоды, стручки и семена – источники пьянящих ароматов. Это не комната амстердамки, хоть она и демонстрирует амстердамскую жажду приобретений. В этой комнатке заключена целая империя.

На столе лежит раскрытая записная книжка с детальным описанием всей коллекции. Почерк Марин дал бы фору ее речи, острое перо чувствует себя на бумаге уверенно. Нелла, вторгшаяся без приглашения, напряжена – ей очень хочется остаться, узнать больше, но она боится угодить в ловушку, ею же самой расставленную. Есть острый азарт военного вторжения, как в игре «Завоеватель», в которую она с Карелом и Беллой когда-то играла в Ассенделфте.

А еще на полке стоит странная лампа с птичьими крыльями и женской грудью. Нелла протягивает руку, чтобы ее потрогать. Прохладный толстый металл.

Рядом с лампой стопка книг, и от корешков веет запахом сырой глины и свиной кожи. Нелла берет верхнюю, жажда раскрыть загадку этой женщины сильнее страха, что кто-то может подняться по лестнице. Марин ей не нравится, в этом нет никаких сомнений, но тем сильнее притягивает ее к себе.

Книга представляет собой судовой журнал, озаглавленный «Незадачливое путешествие на корабле «Батавия». Нелла открывает ее наугад. Гравюра на дереве изображает береговую линию и большой корабль среди волн вдали. На переднем плане стоят лицом к лицу двое. У одного руки и ноги разрисованы черными линиями, в носу кольцо, в руке копье. Второй выглядит как благообразный голландец. Лица обоих бесстрастны, каждый погружен в замкнутый мир собственного жизненного опыта. И узкий просвет между ними кажется шире, чем море у них за спиной.

Нелла закрывает книгу и проводит пальцами по корешкам неровно сложенной стопки. Сколько же здесь книг! Хорошо бы прочесть все названия, да нельзя особенно задерживаться. Надо думать, это увлечение обходится Марин недешево. Видимо, очень любит трогать кончиками пальцев плотные книжные страницы.

Под «Незадачливым путешествием» обнаруживается Хайнсиус, изгнанный, как всем известно, из страны за убийство. Держать его книгу дома – уже само по себе маленькое преступление. Под впечатлением от увиденного Нелла просматривает еще две книжки сверху. «Детские болезни» и «Памятное описание путешествия к мысу Горн». Она листает страницы, заполненные рассказами об опасном плавании, с великолепными гравюрами: торчащий из моря остов затонувшего корабля, невероятные рассветы, жадные волны. Корешок мягкий, книжку часто брали в руки. Нелла собирается вернуть ее на место, и тут из открытой книги выпадает исписанный листок. Она поднимает его с пола. «Люблю тебя. Люблю тебя. Сзади, спереди: люблю тебя».

Верхнее небо охватывает холодок. Это другой почерк.

«Ты солнечный свет, согревающий меня через окно. Одного прикосновения мне хватит на тысячу лет. Моя дорогая...»

Нелла в ужасе вскрикивает, живот сжимается от страха. Кто-то сзади вцепился ей в руку так, что от боли у нее перехватило дыхание. Она поворачивается. Над

ней нависла Марин. Побелевшее лицо, поджатые губы. Боль спускается вниз, и записка летит на пол из разжавшихся пальцев. Марин оттаскивает ее в сторону и становится между ней и стеллажами.

– Ты рылась в моих книгах?

– Нет...

– Да. Ты их читала?

– Ну что вы...

Вдруг ее ущипнули, причем так сильно, что у Неллы рот округлился от неожиданности и задрожала рука. Хорошо хоть падение записки осталось незамеченным.

– Марин... – говорит она шепотом. – Мне больно.

Ей не сразу удастся выдернуть руку.

– Я расскажу Йохану, – говорит она.

– Он недолюбливает предателей.

– Вы сделали мне больно.

– Убирайся. Если еще раз увижу тебя здесь, ты у меня дорого заплатишь.

Нелла бредет прочь от географических карт и птичьей лампы, от всех этих перышек и черепушек, по дороге натываясь на свисающую с потолка змеиную кожу. Даже интересно, чем она сможет заплатить, когда у нее ничего нет.

Дверь захлопнулась, и сразу исчезли все запахи. Но вот она укрылась на своем острове, в своей кровати, ярко освещенная октябрьским солнцем, и зашептала в подушку: «Одного прикосновения мне хватит на тысячу лет. Моя дорогая. Сзади, спереди: люблю тебя».

Все это нацарапано впопыхах, и почерк другой, у Марин он текучий, не то что живая речь. Нелла вспомнила полученное ими в Ассенделфте письмо – оно было написано рукой Марин, в том нет никаких сомнений. «Она меня задушит. И повесит на балке, как очередное перышко». Нелла рисует в своем воображении, как качается на балке, башмаки сваливаются с ног, холодное тело согревают разве что теплые лучи, проникающие через окна. «Моя дорогая».

Марин начинает трансформироваться в фантазиях Неллы. Она сбрасывает свои унылые черные одежды и превращается в птицу-феникс, пропитавшуюся запахами мускатного ореха, гвоздики и корицы – но не лилии, никаких цветочных ароматов. Она – олицетворение города, дочь сильных мира сего, топограф, летописец флоры и фауны. Она притягивает к себе. Нелла зажмурилась в надежде прогнать видение, но ее преследует запах сандалового дерева, а воображение рисует соболиные шкурки, спрятанные у Марин под ханжескими черными юбками, и пожелтевший череп, который та держит в руках вместо букета. Кто она? Любовная записка, непредсказуемая, невероятная, со всем этим никак не вяжется.

«Люблю тебя. Сзади, спереди: люблю тебя».

Нелла накрывает голову подушкой, чтобы как-то защититься от этих слов. Пульсирует травмированная рука, и боль, кажется, только усилилась, но, слава богу, она наконец проваливается в глубокий, неодолимый полуденный сон.

Синяки

Спустя пару часов раздается стук в дверь, и, не дождавшись ответа, входит Корнелия.

– Что у вас с рукой? – спрашивает она.

Нелла не шевельнулась.

– Да ладно. Не вы первая.

Нелла смотрит на нее как в тумане.

– Как ты догадалась?

Корнелия смеется.

– Я прожила в этом доме, можно сказать, всю жизнь. Она как краб: цапнула – и снова спряталась в своем панцире. Я уж давно не обращаю внимания и вам советую.

Нелла заколебалась. Корнелия, похоже, проявляет искреннее участие, и Неллу вдруг охватывает желание, чтобы ее по-матерински пожалели. Она показывает руку.

– Хороший будет синячок, – присвистнув, говорит Корнелия.

– А ты зачем...

– Вставайте. Мы идем в церковь.

– Нет.

– Так решила Марин.

– Я не пойду с этим крабом.

– Придется. – Корнелия вздыхает и, к удивлению Неллы, поглаживает ее по больной руке. – Проще пойти.

Нелла сознательно отстает на шаг от Марин, которая так громко топает по булыжной мостовой, словно та чем-то не угодила персонально ей. Позади осталась Херенграахт, и Вийзельстраат, и мост, и торфяной рынок, а отсюда уже рукой подать до Старой церкви. Денек лучше не придумаешь, терракотовые крыши горят, как киноварь, и неприятные запахи с канала растворяются в прохладном воздухе. Мимо погромыхивают экипажи, и по каналам снуют

суденышки с людьми, товарами и даже овцами. Нелла думает о синяке и о таинственной записке, ей ужасно хочется поскорее разгадать загадку, выяснить, кто этот человек, чье письмо Марин так старательно прячет от посторонних глаз, из-за которого ее пальцы готовы щипать каждого от страха и ярости.

– А где Йохан? – громко спрашивает она у Корнелии.

– На работе, – отвечает та, не поворачивая головы.

У Неллы в голове все перемешалось: султаны, сахар, серебро, слова Отто о том, что богатство надо поддерживать, иначе все утечет сквозь пальцы. Она понимает, что не надо задавать лишних вопросов, на которые следует один ответ: «Нет». Но любопытство сильнее доводов разума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzhessi-berton/miniaturist/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Башмаки на деревянной подошве с железным ободом. Надевались поверх обычной обуви для ходьбы по грязи. (Здесь и далее прим. переводчика.)

2

Белый хлеб тонкого помола «для богатых» (голл.).

3

Моя супруга (исп.).

4

Запрещено (нем.).

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzhessi-byorton/miniaturist-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)